

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
8 February 2000
Russian
Original: English

Комиссия международного права

Пятьдесят вторая сессия

Женева, 1 мая–9 июня 2000 года и
10 июля–18 августа 2000 года

Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят первой сессии (1999 год)

Тематическое резюме обсуждений, состоявшихся
в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее
пятьдесят четвертой сессии, подготовленное
Секретариатом

Содержание

	Пункты	Стр.
Введение	1–4	6
Тематическое резюме	5–188	6
A. Ответственность государств	5–83	6
1. Общие замечания	5–15	6
a) Замечания по проекту статей в целом	5–11	6
b) Вопросы, вызываемые ситуациями, связанными с множественностью государств	12	8
c) Обязательства <i>jus cogens</i> и <i>erga omnes</i>	13	8
d) Окончательная форма проекта статей	14	9
e) Связь с другими нормами	15	9
2. Замечания по конкретным проектам статей	16–83	9
Часть первая. Происхождение международной ответственности	16–61	9
Статья 1. Ответственность государства за его международно- противоправные деяния	17	9
Глава III. Нарушение международного обязательства	18–33	9

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Статья 16. Наличие нарушения международного обязательства	19–20	10
Статья 17. Нерелевантность происхождения нарушенного международного обязательства	21	10
Статья 18(1) и (2). Требование о том, чтобы международное обязательство находилось в силе для государства	22	10
Статья 19. Международные преступления и международные деликты	23	11
Статья 20. Нарушение международного обязательства, требующего принятия определенного курса поведения	24–25	11
Статья 21. Нарушение международного обязательства, требующего достижения указанного результата	24–25	11
Статья 23. Нарушение международного обязательства по предотвращению определенного события	24–25	11
Статья 22. Исчерпание местных средств защиты	26–29	12
Статья 18(3)-(5). Требование о том, чтобы международное обязательство находилось в силе для государства	30–33	13
Статья 24. Момент и длительность нарушения международного обязательства в результате деяния государства, не длящегося во времени	30–33	13
Статья 25. Момент и длительность нарушения международного обязательства в результате деяния государства, длящегося во времени	30–33	13
Статья 26. Момент и длительность нарушений международного обязательства по предотвращению определенного события	30–33	13
Глава IV. Причастность одного государства к международно-противоправному деянию другого государства	34–43	14
Статья 27. Помощь или содействие государства другому государству для совершения международно-противоправного деяния	39–42	15
Статья 27 бис. Руководство и контроль, осуществляемые в отношении совершения международно-противоправного деяния	39–42	15
Статья 28. Ответственность государства за международно-противоправное деяние другого государства	39–42	15
Статья 28 бис. Действие настоящей главы	43	16
Глава V. Обстоятельства, исключающие противоправность	44–61	16
Статья 29. Согласие	46–49	16
Статья 29 бис. Соблюдение императивной нормы	50	17
Статья 30. Контрмеры в случае международно-противоправного деяния	51	17

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Статья 30 бис. Несоблюдение, вызванное предшествующим несоблюдением другим государством	52	17
Статья 31. Форс-мажор и непредвиденный случай	53	18
Статья 32. Бедствие	54	18
Статья 33. Состояние необходимости	55	18
Статья 34. Самооборона	57	18
Статья 34 бис. Процедура ссылки на обстоятельство, исключающее противоправность	58	19
Статья 35. Оговорка в отношении возмещения ущерба	59–60	19
Другие возможные обстоятельства	61	19
Часть вторая. Содержание, формы и степени международной ответственности	62–81	20
Глава I. Общие принципы	62–66	20
Статья 40. Понятие потерпевшего государства	62–66	20
Глава II. Права потерпевшего государства и обязательства государства, совершившего международно-противоправное деяние	67–73	21
Статья 41. Прекращение противоправного поведения	68	21
Статья 42. Возмещение	69	21
Статья 43. Реституция в натуре	70	22
Статья 44. Компенсация	71	22
Статья 45. Сатисфакция	72	22
Статья 46. Заверения и гарантии неповторения	73	22
Глава III. Контрмеры	74–77	22
Глава IV. Международные преступления	78–81	23
Статья 52. Особые последствия	78–80	23
Статья 53. Обязательства для всех государств	81	24
Часть третья. Урегулирование споров	82–83	24
В. Оговорки к договорам	84–114	24
1. Общие комментарии	84–91	24
2. Комментарии по проектам основных положений	92–114	25
Проект основного положения 1.1.1 (Объект оговорок)	92	25
Проект основного положения 1.1.2 (Случаи, в которых могут делаться оговорки)	93	25
Проект основного положения 1.1.3 (Оговорки, имеющие территориальную сферу действий)	94	26

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Проекты основных положений 1.1.5 (Заявления, направленные на ограничение обязательств их автора) и 1.1.6 (Заявления с целью выполнения обязательства эквивалентным образом)	95	26
Проекты основных положений 1.1.7 (Оговорки, формулируемые совместно) и 1.2.2 (Заявления о толковании, формулируемые совместно)	96	26
Проект основного положения 1.2 (Определение заявлений о толковании)	97–102	26
Проект основного положения 1.2.1 (Условные заявления о толковании)	103–104	27
Проект основного положения 1.3 (Различие между оговорками и заявлениями о толковании)	105	27
Проект основного положения 1.3.1 (Установление различия между оговорками и заявлениями о толковании)	106–107	27
Проект основного положения 1.3.3 (Формулирование одностороннего заявления в случае запрещения оговорок)	108	27
Проект основного положения 1.4.1 (Заявления с целью взятия односторонних обязательств)	109	27
Проект основного положения 1.4.2 (Односторонние заявления, направленные на добавление дополнительных элементов в договор)	110	28
Проекты основных положений 1.4.3 (Заявления о непризнании), 1.4.4 (Общеполитические заявления) и 1.4.5 (Заявления, касающиеся условий осуществления договора на внутреннем уровне)	111–113	28
Проекты основных положений 1.5.1 («Оговорки» к двусторонним договорам), 1.5.2 (Заявления о толковании в отношении двусторонних договоров) и 1.5.3 (Юридическое воздействие принятия заявления о толковании, сделанного в отношении двустороннего договора другой стороной)	114	28
C. Односторонние акты государств	115–157	28
1. Общие замечания	115–117	28
2. Определение и сфера охвата темы	118–136	29
3. Подход к рассмотрению темы	137–145	31
4. Вопросник, касающийся практики государств	146–156	33
5. Итоги работы над темой	157	35
D. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности)	158–180	35
1. Общие замечания	158–174	35

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
a) Замечания в отношении предотвращения	158–164	35
b) Замечания, касающиеся ответственности	165–174	36
2. Замечания в отношении конкретных статей	175–179	37
Статья 1. Виды деятельности, к которым применяются настоящие проекты статей	175–178	37
Статья 17. Урегулирование споров	179	37
3. Окончательная форма проекта статей	180	37
E. Другие решения и выводы Комиссии	181–188	37
1. Общие замечания	181–186	37
2. Раздельные сессии	187	39
3. Долговременная программа работы	188	39
F. Гражданство в связи с правопреемством государств		39
G. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности		39

Введение

1. На своей пятьдесят четвертой сессии Генеральная Ассамблея по рекомендации Генерального комитета 17 сентября 1999 года на своем 3-м пленарном заседании постановила включить в повестку дня сессии пункт, озаглавленный «Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят первой сессии»¹, и передать его на рассмотрение в Шестой комитет.

2. Шестой комитет рассматривал этот пункт на своих 15–28-м, 35-м и 36-м заседаниях 25–29 октября и 1–5 ноября, и 18 и 19 ноября 1999 года. Председатель Комиссии международного права на ее пятьдесят первой сессии внес на рассмотрение проект Комиссии: главы I–IV на 15-м заседании 25 октября; главу VII на 18-м заседании 27 октября; главу V на 21 заседании 29 октября; главу VI на 24-м заседании 2 ноября; и главы VIII–X на 25-м заседании 3 ноября. 19 ноября на своем 36-м заседании Шестой комитет принял проект резолюции A/C.6/54/L.6 и Corr.1, озаглавленный «Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят первой сессии». Проект резолюции был принят Генеральной Ассамблеей 9 декабря 1999 года на ее 76-м заседании в качестве резолюции 54/111.

3. В пункте 20 резолюции 54/111 Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря подготовить и распространить тематическое резюме прений по докладу Комиссии на пятьдесят четвертой сессии Ассамблеи. Во исполнение этой просьбы Секретариат подготовил настоящий документ, содержащий тематическое резюме общих прений.

4. Документ состоит из семи разделов: А. Ответственность государств; В. Оговорки к договорам; С. Односторонние акты государств; D. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности); E. Другие решения и выводы Комиссии; F. Гражданство в связи с

правопреемством государств; и G. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности.

Тематическое резюме

А. Ответственность государств

1. Общие замечания

а) Замечания по проекту статей в целом

5. Делегации подчеркнули важность этой темы и выразили надежду на то, что достигнутый в работе над проектом статей об ответственности государств прогресс даст Комиссии возможность принять его во втором чтении к концу текущего пятилетнего периода в 2001 году. По мере того как работа Комиссии вступает в свою заключительную фазу, было сочтено крайне необходимым сохранить наблюдающийся в этой деятельности поступательный момент, благодаря которому был сформулирован свод проектов статей, который имеет широкое применение и вызывает к себе большой интерес. Завершение работы над проектом статей об ответственности государств, наряду с правом договоров и правом, касающимся мирного разрешения споров, заложило, как об этом было сказано, последний крупный блок в фундамент международного правопорядка. Комиссия в связи с этим настоятельно призвала приложить все усилия по достижению этой желательной и осуществимой цели при помощи государств. Для завершения работы над проектом статей об ответственности государств и обеспечения его принятия во втором чтении к 2001 году Комиссии было предложено сохранить хорошо устоявшиеся принципы, закрепленные в проекте статей, и внести лишь незначительные изменения редакционного и структурного характера; ограничить, где это возможно, прогрессивное развитие; исключить понятия, по которым не достигнут консенсус или по которым существуют разногласия; и обеспечить ясную взаимосвязь различных частей проекта статей, которые были разработаны в разное время разными специальными докладчиками. Была выражена также надежда на наличие в 2000 году точного свода проекта статей в части первой и комментария к нему.

¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10) и Corr.1 и 2.*

6. Было высказано замечание относительно того, что деятельность Комиссии могла бы играть историческую роль в кодификации и прогрессивном развитии международного права, а статьи имели бы долговременное значение лишь в том случае, если они были бы широко приемлемы для государств и отражали их практику. Было также отмечено, что первоочередной задачей кодификации международного права в этой области ответственности государств является создание эффективных правовых рамок разрешения споров между государствами в области и что в связи с этим работа Комиссии должна основываться на преобладающей практике государств, а не на абстрактных понятиях. Комиссии рекомендовали и впредь ясно разграничивать уже установленные по международному праву принципы и принципы, которые все еще зарождаются или формируются, с тем чтобы ее деятельность, как и раньше, заключалась в наиболее исчерпывающем изложении правовых положений, касающихся этой темы, обеспечивала сбалансированное и объективное развитие принципов, сформулированных в ее рамках, и позволяла избегать разногласий в вопросах, касающихся ответственности государств. Была высказана мысль о том, что четко составленный комментарий, учитывающий это различие, особенно комментарий к пересмотренным или дополнительным статьям, послужил бы самым полезным руководством для практики государств и разработка соответствовала бы мандату Комиссии по ее статуту.

7. Было высказано мнение о том, что работа Комиссии над этой темой должна касаться вторичных обязательств, вытекающих из нарушения того или иного международного обязательства. Было сочтено, что проведение различия между первичными и вторичными обязательствами даст возможность Комиссии определить взаимосвязи между различными статьями и частями проекта. Вместе с тем систематическое использование такого различия для реструктуризации текста в некоторых случаях было сочтено спорным. Было предложено, чтобы Комиссия руководствовалась практическими соображениями, а не соображениями, связанными с этим различием, которое утрачивает свое практическое значение по мере роста числа формулируемых в настоящее время международных процедурных норм. Кроме того, была высказана мысль о том, что излишне развернутая разработка

развернутая разработка понятия ответственности государств в проекте статей имела бы контрпродуктивное значение, поскольку право, касающееся ответственности государств, не может обладать большей ясностью, чем главные нормы, которые не всегда поддаются универсальному толкованию и применению.

8. Несколько делегаций приветствовали усилия Комиссии по упрощению и углублению содержания, изложения и организационной структуры проекта статей путем группирования соответствующих положений статей и исключения тех, которые представляются излишними. Вместе с тем, было предложено, чтобы Комиссия в своих усилиях по улучшению проекта статей не отклонялась слишком далеко от его первоначального варианта и чтобы любые изменения служили цели совершенствования и уточнения текста без его сокращения по содержанию и сфере охвата. Отмечая, что в интересах ясности или наибольшей приемлемости в содержание и структуру проектов статей были внесены значительные изменения, была также высказана мысль о необходимости обеспечения сбалансированности во избежание чрезмерного упрощения, которое ослабляет эффект от работы Комиссии.

9. Несколько делегаций также выразили свою признательность и поддержку Специальному докладчику за его подход, состоявший в том, чтобы по-новому взглянуть на проект, включая его основные элементы; проводить широкие консультации по этому вопросу; усовершенствовать этот проект путем исключения или объединения определенных статей для достижения простоты и ясности и исключения других статей, которые, как представляется, находятся вне сферы охвата этого проекта, особенно статей в главах I-III; и обновить проект, принятый в первом чтении с учетом современной практики государств, решений и консультативных заключений международных трибуналов, особенно Международного Суда, и имеющейся литературы. Наряду с признанием обоснованности аргументов Специального докладчика относительно потребностей в изменении и переформулировке принятых в 1996 году проектов статей, была выражена озабоченность тем, что это могло бы еще больше задержать завершение работы над проектом статей. Была также отмечена невозможность составить

общее представление о проекте статей или оценить отдельные положения, поскольку предлагаемые поправки сделали бы проект статей в существенной мере отличным от текста, принятого в первом чтении в 1996 году.

10. Было высказано мнение о том, что проект статей требует дальнейшего анализа с учетом динамики современных международных отношений. Было указано, что внимания требуют следующие основополагающие вопросы: различие между уголовно-правовой и деликтной ответственностью государств; проблема коллизионных международных обязательств; желательность категоризации обязательств и нарушений; удовлетворительный режим присвоения государствам ответственности за международно-противоправные деяния; границы и содержание главы с проектами статей, касающимися обстоятельств, исключающих противоправность, и степень, в которой в статьях в этой главе рассматриваются первичные, а не вторичные нормы; применение контрмер потерпевшим государством; и вопрос об урегулировании споров.

11. Было привлечено внимание к необходимости рассмотреть вопрос о взаимосвязи между различными главами проекта статей, которая пока еще удовлетворительным образом не сформулирована. Было предложено, чтобы Комиссия установила связи между двумя основными элементами этой темы - нарушением международного обязательства и восстановлением законности, а потом уже проанализировала главные или составляющие элементы правовых отношений, а именно: вопросы, поднимаемые субъектом права, вопросы, касающиеся правоотношений субъектов права, вопросы, касающиеся восстановления соблюдения обязательств субъектами права и средств урегулирования споров, возникающих в связи с международной ответственностью. В свете взаимосвязи глав II и III, изложенной в статье 3, была высказана мысль о том, что главы IV и V могли бы подпадать под вторую часть статьи 3, касающейся нарушения обязательства. Исключительно важный вопрос взаимосвязи противоправности и ответственности, имеющий актуальное значение при установлении связи между главами III и IV, был указан как требующий более значительного внимания. Было также сочтено, что взаимосвязь различных глав части второй требует

дальнейшего рассмотрения во избежание непоследовательности и несбалансированности.

b) Вопросы, вызываемые ситуациями, связанными с множественностью государств

12. Несколько делегаций одобрили предложение Комиссии о том, чтобы в проекте статей рассматривались вопросы, возникающие в связи с наличием множественности государств, вовлеченных в нарушение того или иного международного обязательства или потерпевших от такого нарушения, при этом было привлечено внимание к актуальному значению статей 27 и 40. Наряду с признанием того, что такие проблемы, по возможности, следует рассматривать в контексте неотъемлемых положений режима ответственности государств, было отмечено, что установленных норм международного права, касающихся данного вопроса, очень мало. Была также высказана мысль о том, что подобные ситуации, как представляется, не вызывают необходимости особого рассмотрения в проектах статей, и их можно было бы охватить в комментариях.

c) Обязательства *jus cogens* и *erga omnes*

13. Высказывалась поддержка в отношении ссылки на иерархию норм в международном праве и определения степеней серьезности противоправных деяний с более высокой долей ответственности за нарушение нормы *jus cogens* или обязательства *erga omnes*. Было отмечено, что степень ответственности, которая влияет на такие вопросы, как возмещение или компенсация, зависит от того, какая норма нарушена, и что нарушение императивной нормы, такой, как запрет на применение силы в международных отношениях, является намного более серьезным по своим последствиям, характеру и масштабу, чем нарушение договорной нормы в отношениях между двумя государствами. Было отмечено, что предложение Комиссии о включении общего положения относительно императивных норм в главу I, в котором воспроизводилось бы определение в статье 53 Венской конвенции о праве договоров, установило бы общую связь между принципом *jus cogens* и ответственностью государств, особенно ввиду того, что целый ряд положений проектов статей содержит прямые или косвенные ссылки на этот принцип. Была высказана

мысль о том, что, поскольку международное сообщество приняло понятие *jus cogens* в Конвенции, оно должно сделать следующий логический шаг и наполнить это понятие конкретным содержанием, обращая внимание на документы A/CN.4/54, пункты 16, 26 и 105-119, и A/C.6/47/SR.21. Выразалось мнение о том, что следует уточнить последствия *jus cogens* и последствия статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций: в то время как в статье 103 предписывается, что в случае коллизии между Уставом и договором преимущественную силу имеет Устав, если устанавливается *jus cogens*, то это делает договор ничтожным. Вместе с тем, высказывалась озабоченность в отношении того, что включение понятий обязательств *jus cogens* и *erga omnes* в право, касающееся ответственности государств, потребовало бы широкой квалификации, что определение обязательной нормы в Конвенции недостаточно для потребностей права, касающегося ответственности государств, и что понятие обязательств *erga omnes* сопряжено с процедурными вопросами, которые пришлось бы рассмотреть в контексте определения потерпевшего государства.

d) Окончательная форма проекта статей

14. Сложным неразрешенным вопросом был назван вопрос о возможной форме проекта статей. Некоторые делегации считали, что работа Комиссии должна привести к принятию конвенции, возможно, на международной конференции, особенно ввиду тех огромных усилий, которые приложила Комиссия при работе над темой, и ввиду потребности в четко разработанной конвенции, которую можно было бы осуществлять на практике. В отличие от этого, такой итог работы был охарактеризован как едва ли возможный, и было высказано предпочтение принятию Генеральной Ассамблеей руководящих принципов или торжественной декларации. Наряду с призывом к проявлению гибкости при определении окончательной формы проектов статей эти проекты статей были охарактеризованы как вторичные нормы, которые не могут затрагивать первичные нормы или обязательства, содержащиеся в международных конвенциях или вытекающие из норм международного обычного права. Со ссылкой на соответствующие положения статута Комиссии было отмечено, что возможная форма проектов статей Комиссии не ограничивается

многосторонними конвенциями и что в тех случаях, когда практика государств является широко распространенной, но одновременно и вызывающей разногласия, такое решение необязательно представляет собой надлежащее средство обеспечения прогрессивного развития права. Было предложено на данном этапе оставить этот вопрос открытым.

e) Связь с другими нормами

15. Внимание было привлечено к тесной взаимосвязи кодификации ответственности государств и целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций. Высокую оценку получило тщательное обсуждение Комиссией взаимосвязей между правом, касающимся ответственности государств, и правом договоров и уголовно-правовой ответственностью индивидов. Кроме того, было отмечено, что проекты статей не будут применяться к автономным правовым режимам, таким, как режимы, касающиеся окружающей среды, прав человека и международной торговли, которые были разработаны в последние годы.

2. Замечания по конкретным проектам статей

Часть первая. Происхождение международной ответственности

16. Позитивную оценку получила работа Специального докладчика по упрощению и уточнению части первой, и были позитивно встречены изменения предварительного характера. Вместе с тем, было также отмечено, что предложенные изменения нуждаются в дальнейшем тщательном изучении, учитывая сложность вопросов.

Статья 1. Ответственность государства за его международно-противоправные деяния

17. Было выражено беспокойство по поводу того, что эта статья могла бы толковаться как означающая, что возбуждать дело в отношении нарушающего государства могло бы любое государство, независимо от того, было ли оно затронуто данным международно-противоправным

деянием, вместо того, чтобы разрешать возбуждать дело лишь потерпевшему государству и лишь в том случае, если оно может доказать наличие ущерба.

Глава III. Нарушение международного обязательства

18. Глава III была охарактеризована как ключевой элемент всех положений о режиме ответственности государств. Целый ряд делегаций поддержал идею об упрощении, усовершенствовании и рационализации этой несколько зарегулированной главы при условии сохранения ясности и всеобъемлемости и недопущения ослабления ожидаемого правового содержания и регулятивного эффекта этого документа.

Статья 16. Наличие нарушения международного обязательства

19. Были высказаны различные мнения в отношении переформулирования этой статьи, которая сама по себе была охарактеризована как имеющая решающее значение, а ее включение было названо исключительно важным. Несколько делегаций поддержали идею переформулирования статей 16, 17(1) и 19(1) и создание единой статьи 16 как значительное улучшение, благодаря которому охватывается все содержание этих положений и представляется возможным исключить последние положения без какой бы то ни было материальной утраты. В отличие от этого, предложенное Специальным докладчиком переформулирование статьи 16 было охарактеризовано как не полностью удовлетворительное, поскольку оно затрагивает по крайней мере два разных вопроса, которые ранее рассматривались в статьях 16, 17(2) и 19(1); предусматривает объединение нескольких важных положений, которые заслуживают отдельного рассмотрения; и сопряжено с изменением нумерации, чего лучше всего избегать.

20. Были высказаны также различные мнения относительно затрагивания в статье 16 неурегулированных вопросов, касающихся коллидирующих международных обязательств или ранжирования норм международного права, требующих дополнительного рассмотрения. Было выражено мнение о том, что в этой статье не поднимаются такие вопросы, поскольку в случае

коллизии между обязательством по международному праву или нормами *jus cogens*, обязательствами *erga omnes* или обязательствами по статье 103 Устава Организации Объединенных Наций не будет возникать вопрос о международной ответственности, даже если можно было бы сослаться на право на компенсацию. Была высказана мысль о том, что при разрешении проблемы того или иного договорного обязательства, вступающего в коллизию с международным общим правом, можно было бы прибегать к статье 62 Венской конвенции о праве договоров (полное изменение обстоятельств), с тем чтобы уменьшить воздействие *jus cogens* в статьях 53 (договоры, коллидирующие с императивной нормой международного общего права) и 64 (появление новой императивной нормы международного общего права) Конвенции, и что в любом случае действие *jus cogens* сделает недействительным договор в целом в случае несоответствий. Тем не менее признавалась позитивность включения положения об иерархии. Исходя из недостаточности указания более высокого статуса императивных обязательств в сопоставлении с договорными обязательствами, было предложено, чтобы Комиссия указала, хотя бы лишь в комментарии, что эти императивные нормы обладают таким статусом. В то же время было отмечено, что, поскольку источник обязательства — будь то обычный, конвенционный или иной — не имеет значения применительно к последствиям ответственности, было бы неправильным создавать систему, увязывающую наличие ответственности с источником нормы, которая была нарушена, даже если этот источник оказывает влияние на конкретные последствия ответственности.

Статья 17. Нерелевантность происхождения нарушенного международного обязательства

21. Было высказано предпочтение сохранению и уточнению пункта 2 статьи 17. Вопреки толкованию этого положения Специальным докладчиком, изложенному в пункте 92 доклада Комиссии, было сочтено, что этот пункт предназначался для провозглашения одного из основополагающих принципов ответственности государств, а именно принципа отсутствия значимости источника международного обязательства для возникшей ответственности. В связи с этим было предложено, отчасти исходя из мнений, выраженных в

пункте 103 доклада, переформулировать этот пункт, чтобы он гласил: «Международно-правовая ответственность государства, которое совершило международно-противоправное деяние, возникает независимо от происхождения международного обязательства, нарушенного этим государством».

Статья 18(1) и (2). Требование о том, чтобы международное обязательство находилось в силе для государства

22. Было выражено мнение о том, что принцип интертемпоральности при условии, что обязательство, которое было нарушено, должно действовать в нарушившем его государстве, является одним из основных требований к наличию международной ответственности, которое следует ясно отразить в статье 18(1) без исключения, поскольку оно применяется в равной мере ко всем международным обязательствам. Была высказана поддержка идее изменения этой статьи с ее общей нормой относительно временного фактора применительно к нарушениям международного права, в соответствии с чем деяние государства не следует рассматривать как нарушение международного обязательства, за исключением случаев, когда государство было связано обязательством, о котором идет речь, в то время, когда произошло это деяние. Была также высказана поддержка предложению Специального докладчика в пункте 121 доклада о включении проекта статьи, провозглашающей принцип, предусматривающий, что после задействования ответственности государства ее срок не истекает лишь в силу прекращения основного обязательства.

Статья 19. Международные преступления и международные деликты

23. В то время как некоторые делегации выражали серьезную озабоченность или выступали с оговорками относительно включения понятия преступлений государств в проект, другие сочли, что в проекте следует рассмотреть исключительно серьезные противоправные деяния, или международные преступления, а также обычные противоправные деяния, или международные деликты. Было предложено, чтобы в своей будущей работе Комиссия учла существенные различия между международными деликтами и международными преступлениями, особенно

применительно к режиму последствий ответственности, а также современные изменения в международном праве, в частности принятие и предстоящее вступление в действие Римского устава Международного уголовного суда. Различие между деликтами и преступлениями, или исключительно серьезными противоправными деяниями, было сочтено важным для установления конкретных норм, регулирующих правовые последствия этих деяний. Акцент делался на необходимости предусмотреть в проектах статей усиленный специальный режим ответственности применительно к наиболее серьезным нарушениям международного права, т.е. нарушениям норм *jus cogens* или обязательств *erga omnes*, независимо от сохранения формулировок, используемых в статье 19. Было высказано предпочтение о замене понятия международного преступления государства понятием «особо серьезного нарушения международного обязательства». Наряду с мнением о нежелательности включения понятия преступлений государств было предложено, чтобы Комиссия рассмотрела вопрос о необходимости установить ранжирование международных обязательств и предусмотреть какие-нибудь специальные правовые последствия за нарушение таких обязательств, поскольку категоризация международных обязательств теряет смысл, если за их нарушение не предусматриваются различные правовые последствия.

Статья 20. Нарушение международного обязательства, требующего принятия определенного курса поведения

Статья 21. Нарушение международного обязательства, требующего достижения указанного результата

Статья 23. Нарушение международного обязательства по предотвращению определенного события

24. Некоторые делегации сочли, что изменение формулировки статей 20, 21 и 23 оправданно, поскольку проводящееся в них различие между обязательствами поведения, результата и предотвращения не имеет отношения к последствиям нарушения, разработанным в части второй проекта, и не подпадает под тему ответственности. Другие делегации посчитали, что упрощение проекта статей зашло слишком далеко,

когда было исключено различие между этими тремя видами обязательств, которое полезно с аналитической точки зрения и которое следует в какой-то форме сохранить. Другие делегации подчеркнули важность сохранения различия между обязательствами поведения и результата, поскольку оно имеет большое значение для вторичных норм, которые будут выработаны для определения ответственности государств; помогает определить, когда произошло нарушение и когда оно закончилось; полезно на практике и в юриспруденции; стало общепринятым аспектом правовой терминологии; и могло бы оказаться полезным в других главах. Внимание было привлечено к практике государств и решениям международных судов, которые демонстрируют почти постоянное применение этого различия, особенно в отношении защиты основных прав человека.

25. Были выдвинуты различные предложения относительно этих положений. Была высказана мысль о том, что обязательство по предотвращению можно было бы рассмотреть в рамках обязательства результата, а различие между обязательствами поведения и результата можно было бы просто упомянуть в статье 16 с развернутым пояснением в комментарии. Была также выдвинута идея о том, что общая ссылка на различие между обязательствами поведения и результата могла бы быть включена в статью 16, или что первоначальное положение можно было бы упростить, с тем чтобы сделать проект более прямым, но полным. Было сочтено неприемлемым простое упоминание этого различия в комментарии, который носит лишь толковательный, а не нормативный характер. Далее было предложено, чтобы Комиссия, если она не сможет выработать подходящую формулировку применительно к различию между обязательствами поведения и результата, учла общие принципы права и прошлые решения международных трибуналов, а не принимала решение, которое имеет значение лишь для некоторых внутренних правовых режимов. Приветствовалось бы дальнейшее уточнение и упрощение различия между всеми тремя обязательствами.

Статья 22. Исчерпание местных средств защиты

26. Некоторые делегации выступали за сохранение положения об исчерпании местных средств защиты в статье 22 как твердо установленного в договорном и обычном праве. Оно было сочтено важнейшим компонентом права, касающегося ответственности государства, поскольку оно указывает, что государство нарушает международные обязательства лишь в том случае, когда другая сторона не может добиться от этого государства поведения, соответствующего международному обязательству, о котором идет речь, исчерпав все местные средства защиты или получив отказ в правосудии. Было высказано мнение о том, что эта норма связана с вопросом существования, а не осуществления ответственности государств, что имеет важнейшее значение и должно быть пересмотрено; следует уточнить, что эта норма касается не времени, когда приносится дипломатическая претензия или международный судебный иск, а времени, когда фактически совершается международно-противоправное деяние и, таким образом, наступает международная ответственность иностранного государства, на которой основываются претензии или иск; и этот вопрос не является вопросом координации норм в отношении объективного элемента ответственности государств с нормой, касающейся исчерпания местных средств защиты, а вопросом определения момента совершения международно-противоправного деяния и оценки международной ответственности государства на международном уровне. Было также выражено мнение о том, что эта норма, безусловно, применяется в международной практике в качестве общего принципа на предварительном этапе в отношении признания международной ответственности государства, при этом решения органов по правам человека, касающиеся несовместимости внутригосударственного законодательства с договорными нормами, представляют собой исключение из этой нормы, а не основание для отступления от нее. Было сочтено необходимым вновь подтвердить эту норму в нынешних проектах статей, даже если сфера ее охвата зависит от конкретного вида ее применения по каждой категории первичных норм, независимо от будущей кодификации норм, касающихся дипломатической защиты.

27. Другие делегации приветствовали предложение Специального докладчика заменить

статью 22 статьей 26 бис. Было отмечено, что это положение вызывает интересный вопрос о том, когда начинается обязательство в отношении исчерпания местных средств защиты, и что в некоторых ситуациях на ответственность нельзя было бы ссылаться до исчерпания этих местных средств защиты, о чем Комиссия должна ясно указать. Было сочтено благоразумным усилить это процедурное положение, которое является фактически материальным, определив момент, в который можно ссылаться на ответственность государств. Невыполнение этого положения, как утверждалось, отразится на самом наличии ответственности, поскольку исчерпание местных средств защиты может определять наличие или отсутствие международной ответственности, давая государству возможность скорректировать свое противоправное поведение. Была также выражена поддержка формулированию этого положения как содержащего оговорку, поскольку эта норма в некоторых случаях действует в качестве предварительного условия для международного иска.

28. Было высказано еще и мнение о том, что включение нормы, касающейся исчерпания местных средств защиты, представляется необязательным, поскольку, с одной стороны, наличие международного деликта по смыслу проекта статьи 16 не зависит от наличия местных средств защиты, а, с другой стороны, отсутствие местных средств защиты могло бы само по себе представлять международно-противоправное деяние, порождая отдельную ответственность.

29. Было сочтено удачным, что Комиссия постановила отложить решение по вопросу об исчерпании местных средств защиты, который следует тщательно изучить, с тем чтобы определить его место, его функцию и его связь с вопросами дипломатической защиты.

Статья 18(3)-(5). Требование о том, чтобы международное обязательство находилось в силе для государства

Статья 24. Момент и длительность нарушения международного обязательства в результате деяния государства, не дящегося во времени

Статья 25. Момент и длительность нарушения международного обязательства в результате деяния государства, дящегося во времени

Статья 26. Момент и длительность нарушений международного обязательства по предотвращению определенного события

30. Некоторые делегации высказались в поддержку изменения формулировки статей 24 и 25 с включением положений статей 18 и 26, отметив, что эти положения были сочтены некоторыми государствами как слишком туманные, а другими государствами — излишне аналитичными. Наряду с поддержкой идеи упрощения статей 24 и 25 относительно законченных и продолжающихся противоправных деяний, было сочтено важным сохранить это различие, поскольку оконченное противоправное деяние качественно отличается от продолжающегося и может быть сопряжено с разными последствиями. Было высказано мнение о том, что особые нормы в отношении продолжающихся и составных деяний в статье 18 должны быть включены в проекты статей 24 и 25. Что касается различий между составными деяниями и сложными деяниями, то было также высказано мнение о том, что, как представляется, нет причин сохранять в проектах статей понятие сложных деяний, поскольку правовой режим, применимый к составным деяниям, будет регулировать и сложные деяния.

31. Что касается оконченных и продолжающихся деяний, то было предложено, чтобы пункты 1 и 2 статей 24 и 25 были рассмотрены в последовательном порядке в части ответственности и объекта обязательства; пункт 3 статьи 24 следует включить в положения, касающиеся объекта ответственности. Наряду с признанием различий между оконченными и продолжающимися деяниями, было отмечено, что в статьях 24 и 25 фраза «остаётся не соответствующим международному обязательству», как представляется, является ссылкой на то, что случается, когда правовое основание для ответственности, первичное обязательство, изменяется, в то время как поведение, о котором идет речь, продолжается. Была высказана мысль о том, что в интересах ясности было бы полезным провести более четкое различие между двумя проблемами, т.е. между вопросом о временной

связи нарушения с конкретным поведением того или иного государства и вопросом интертемпоральности, который затрагивает правовое основание самого нарушения. Различие между окончанными и продолжающимися деяниями было охарактеризовано как вопрос, носящий весьма политический характер, и было отмечено отсутствие каких бы то ни было правовых оснований для аргументированных утверждений о том, что отчуждение собственности после второй мировой войны путем национализации и экспроприации без выплаты компенсации следует рассматривать как деяния, имеющие продолжающийся характер, и истолковывать их как таковые по Европейской конвенции о правах человека. Во-первых, это придает обратную силу Конвенции вопреки ее положениям и праву договоров, а во-вторых, в 90-е годы соответствующие государства приняли законы, касающиеся реституции конфискованного имущества или компенсации, которые вступили в силу (*ex nunc*) с даты реституции или компенсации, а не с даты отчуждения собственности.

32. Отмечая, что определения «длящиеся противоправные деяния» и «составные деяния» в проектах статей могут представляться излишне абстрактными и бесполезными, была высказана идея о том, что эти положения следует сохранить, а их неизбежно абстрактный характер следует компенсировать в комментарии, поскольку такого рода теоретический подход имеет неоспоримую пользу на практике и мог бы сыграть ключевую роль в определении ответственности того или иного государства или причитающейся с него компенсации. Кроме того, были выражены сомнения относительно предлагаемого более узкого понимания концепции составных деяний, поскольку такой подход исключил бы простые обязательства, нарушенные в результате составных деяний, такие, как обязательство прибрежного государства не брать из пограничной реки воду в объеме, превышающем определенный ежегодный объем воды, которое это государство нарушает, незначительно превышая разрешенную ежемесячную квоту. Хотя, согласно более узкому пониманию, нарушение в данном случае происходит лишь тогда, когда государство превышает годовую квоту, а не тогда, когда начинается деяние, было сочтено, что противоправным следует рассматривать весь забор

воды, поскольку нарушения составляют не сами по себе последние заборы воды, а вся их совокупность. Внимание было привлечено к решению Международного Суда по делу «О проекте Габчиково-Надьямарош» как в значительной мере затрагивающему обсуждение составных деяний.

33. Была выражена обеспокоенность тем, что, хотя аргументация, подкрепляющая намерение Комиссии исключить любую ссылку на сложные деяния, понятна, такой подход мог бы в еще большей степени затруднить понимание статьи 25, предложенной Специальным докладчиком. Приветствовались бы уточнение и упрощение понятия «сложные деяния».

Глава IV. Причастность одного государства к международно-противоправному деятию другого государства

34. Глава IV была охарактеризована как принципиально важная и незаменимая для обеспечения сбалансированности проекта статей, а поэтому ее сохранение приветствовалось. Было отмечено, что ответственность государств, которая косвенно сопряжена с нарушением норм международного обязательства (помощь, содействие, руководство, контроль или принуждение), должна рассматриваться тем же образом, что и ответственность государств, являющаяся результатом прямого нарушения этого обязательства.

35. Было высказано мнение о том, что характер ответственности государства за деяния другого государства следует рассматривать в широком контексте с учетом понятий *jus cogens* и *erga omnes*. Ответственность существует лишь тогда, когда поведение государства сопряжено с нарушением международно-правовой нормы, требующей от этого государства действовать конкретным образом. Уже давно существует согласие с тем, что государство может нести ответственность за противоправное деяние другого государства в случае содействия, руководства или контроля, осуществляемых при совершении международно-противоправного деяния или в случае принуждения к нему. Вместе с тем такая ответственность зависела бы от обязательств по международному

праву того государства, которое побуждает другое государство.

36. Внимание было привлечено к более сложной ситуации, когда несколько государств действуют совместно при совершении противоправного деяния. Было высказано мнение о том, что Комиссии следует изучить ответственность государств — членов международной организации в отношении деяния организации, особенно ввиду того, что недавние события показали невозможность полного исключения отступления от нормы неотвеченности государств — членов международной организации как отдельного субъекта международного права. Было также выражено мнение о том, что ответственность государств, действующих коллективно, будь то в рамках международной организации или как отдельные юридические лица, является важным вопросом; государства не должны иметь возможность уклоняться от ответственности за свои противоправные деяния, даже если они действуют в рамках международных организаций; в этом контексте представляется излишним требование о том, что международно-противоправное деяние должно быть международно-противоправным не только для совершающего нарушение государства, но и для «содействующего» государства; и эта ситуация является настолько актуальной, что Комиссия не может отложить решение до рассмотрения статей об ответственности международных организаций, как указано в пункте 260 доклада. Наряду с мнением о том, что проблема ответственности государства, которое действует совместно с какой-то международной организацией, не может быть решена в рассматриваемом проекте статей, была высказана мысль о том, что можно было бы, к примеру в главе II, добавить положение о том, что противоправное деяние может быть присвоено нескольким государствам в ситуации, в которой они являлись участниками противоправного поведения или участвовали в нем. Такая ссылка могла бы не допустить, чтобы молчание в этой статье по данному вопросу истолковывалось в противоположном смысле.

37. Было отмечено употребление юридической терминологии, взятой из внутригосударственного уголовного права. Было сочтено, что конкретные характеристики международного соучастия

исключают общее применение к нему соответствующих положений, установленных в рамках национальных правовых систем. С практической точки зрения упомянутый в пункте 244 доклада вопрос о том, какая национальная правовая система оказала более значительное влияние на формулировку положений в этой главе, имеет, как указывалось, чисто теоретическое значение.

38. Предлагаемое название (Ответственность государства за деяния другого государства) было сочтено более подходящим, чем первоначальное название, и было высказано предложение о том, чтобы в нем также содержалось понятие противоправности.

Статья 27. Помощь или содействие государства другому государству для совершения международно-противоправного деяния

Статья 27 бис. Руководство и контроль, осуществляемые в отношении совершения международно-противоправного деяния

Статья 28. Ответственность государства за международно-противоправное деяние другого государства

39. Было поддержано предложение о рассмотрении вопросов, которые возникают в том случае, когда несколько государств причастны к совершению международно-противоправного деяния, а также о более четкой формулировке положений. Было выражено мнение о том, что употребление слова «содействие» в статье 27 является правильным, поскольку речь идет не о совместном поведении двух или более государств, которое, видимо, было бы правильным рассматривать в главе II, а скорее об особой проблеме возможной причастности одного государства к противоправному деянию другого государства, которое требует отдельного рассмотрения. С удовлетворением было встречено включение точных критериев, касающихся обстоятельств, при которых государство, оказывающее помощь в совершении международно-противоправного деяния, несет международную ответственность. Было выражено особое удовлетворение в связи с предложенным новым элементом, согласно которому ответственность

оказывающего содействие государства должна быть ограничена законченными деяниями, которые были бы противоправными, если бы они были совершены самим государством, оказывающим содействие, поскольку концепция ответственности государства за помощь и содействие, оказанные им другому государству в совершении международно-противоправного деяния, не может быть признана без учета субъективного элемента, т.е. противоправного деяния, которой должно быть достаточно в данном случае. Было выражено мнение о том, что предлагаемые измененные формулировки статей 27 и 28 разъясняют международную ответственность государства, которое оказало помощь или содействие другому государству или осуществляло управление или контроль над ним при совершении международно-противоправного деяния, благодаря указанию на то, что механизм международной ответственности задействуется с момента, когда указанное государство действовало, будучи осведомленным об обстоятельствах международно-противоправного деяния, хотя по-прежнему могут возникать проблемы в случае принуждения, которое само по себе не является противоправным по международному праву. Было также поддержано предложение о включении в статью 27 требования о намерении, поскольку содействие другому государству должно представлять собой противоправное деяние в том случае, если оказывающее содействие государство намеревалось оказать содействие в его совершении.

40. В отличие от этого была поставлена под сомнение целесообразность предложения об объединении статей 27 и 28(1), поскольку, как указывалось, рассматриваемые в этих статьях случаи являются довольно разными и не всегда регулируются одним и тем же правовым режимом. Было высказано мнение о том, что в зависимости от обстоятельств механизм ответственности государства, причастного к международно-противоправному деянию другого государства, задействуется по-разному: в случае помощи или содействия механизм его ответственности задействуется, если противоправность деяния вытекает из нарушения обязательства обоих государств; в случае осуществления управления или контроля он задействуется в том случае, если источник противоправности лежит в нарушении обязательства государства, осуществляющего

управление или контроль; в случае принуждения он задействуется, если противоправность основывается на нарушении либо обязательства применяющего принуждение государства, либо обязательства подвергающегося принуждению государства. Кроме того, была выражена озабоченность в связи с тем, что предлагаемая формулировка может стимулировать государство, желающее уклониться от выполнения международного обязательства, к принуждению другого государства, не связанного этим же обязательством, совершить вместо него нарушение.

41. Был поддержан подход, заключающийся в уклонении от какой-либо дискуссии по поводу законности принуждения применяемого одним государством по отношению к другому государству, поскольку решающее значение, как представляется, имеет тот факт, что одно государство применило принуждение по отношению к другому государству, с тем чтобы последнее совершило из-за этого международно-противоправное деяние. Предлагалось разъяснить предлагаемую статью 28 в том смысле, что термин «принуждение» не ограничивается применением вооруженной силы и охватывает любой контакт, включая экономическое давление, которое не оставляет принуждаемому государству никакого выхода, кроме как подчиниться требованию применяющего принуждение государства.

42. Была дана высокая оценка различию между помощью и содействием, управлением и контролем, а также принуждением, которое должно быть отражено в части второй, касающейся сопутствующей ответственности. Было выражено мнение о том, что разбивка статей 27 и 28 на три разные статьи позволит устранить неопределенность в отношении концепций «управления и контроля» и «принуждения», которые не идентичны по смыслу и имеют некоторые общие стороны с «помощью или содействием».

Статья 28 бис. Действие настоящей главы

43. Было особо подчеркнуто, что предлагаемая исключаящая оговорка должна охватывать все случаи, предусмотренные в главе IV, с тем чтобы ее положения не исключали какой-либо иной основы для ответственности государства, которое оказывало содействие, осуществляло управление

или контроль или применяло принуждение по отношению к другому государству. В отличие от этого отмечалось, что, если бы четко указывалось, что ответственность стороны, непосредственно нарушившей международное обязательство, никогда не ставится под сомнение, то необходимость в этом положении отсутствовала бы.

Глава V. Обстоятельства, исключающие противоправность

44. Было выражено удовлетворение по поводу упрощений, произведенных Специальным докладчиком, но в то же время отмечалось, что эта глава, видимо, является чересчур детальной и что в ходе обсуждений в Комиссии проявилась тенденция к увеличению числа изъятий, что может иметь негативные последствия для *pacta sunt servanda*. Было выражено мнение о том, что обстоятельства, исключающие противоправность, должны быть строго ограничены и включены в исчерпывающий перечень, с тем чтобы государства не могли уклоняться от выполнения лежащих на них обязательств. Указывалось, что эти обстоятельства не ликвидируют обязательства государства, которые продолжают действовать, поскольку обстоятельства, которые сказываются на нем, являются ограниченными по времени.

45. Предлагалось изменить название на «Обстоятельства, исключающие ответственность» и переформулировать главу V, поскольку обстоятельства исключают ответственность, а не противоправность.

Статья 29. Согласие

46. Наряду с поддержкой статьи 29 была высказана озабоченность по поводу ее возможного неправильного толкования и неопределенной роли согласия как обстоятельства, исключающего противоправность, особенно в том случае, когда нарушение международного обязательства касается нескольких, а не одного государства, которое стало непосредственным потерпевшим и могло дать согласие. Отмечалось, что существенно важно определить критерии для его применения в статье и комментарии.

47. Некоторые делегации выступили против исключения этой статьи, несмотря на довод о том,

что согласие является элементом первичной нормы, поскольку существование согласия исключает противоправное деяние, а не его противоправность. Отмечалось, что на практике обсуждения часто нацелены на наличие согласия со стороны государственных органов, а не на противоправное деяние. Кроме того, указывалось, что ее исключение не упростит проект и не устранил необходимость определения условий, при которых согласие исключает противоправность, а также что регламентация согласия в проектах статей в сочетании с комментарием позволит повысить степень юридической определенности в международных отношениях.

48. Было выражено мнение о том, что согласие, данное заранее, является обстоятельством, исключающим противоправность, если оно действовало во время совершения деяния. Однако согласие, данное *a posteriori*, представляет собой отказ потерпевшего государства от его права требовать возмещение и не исключает противоправности деяния, которая уже была установлена.

49. Было высказано мнение об обоснованности включения связанного с *jus cogens* исключения из общего правила о согласии в пункте 2. И напротив, его исключение было поддержано, поскольку согласие может применяться по отношению к некоторым императивным нормам, таким, как запрещение вооруженной интервенции на территории другого государства, и некоторые императивные нормы международного права могут толковаться как содержащие элемент «имманентного» согласия. Было высказано пожелание о том, что следует проявлять осмотрительность, поскольку отход по соглашению сторон от императивных норм недопустим, поскольку это противоречило бы международной публичной политике.

Статья 29 бис. Соблюдение императивной нормы

50. Была поддержана статья 29 бис, которая признает преимущественную силу *jus cogens* по отношению к другим нормам международного права, несмотря на то, что она будет применяться редко. В число предложений входило следующее: сохранение определения «императивных норм»; конкретное указание некоторых императивных норм

международного права; и указание не только на прямое применение *jus cogens*, но и на ситуации, возникающие на основе практики государств согласно статье 103 Устава Организации Объединенных Наций и связанные не только с применением силы, но и с соблюдением экономических санкций, введенных Советом Безопасности. И напротив, другие выразили мнение о том, что эти положения имеют ограниченное практическое применение.

Статья 30. Контрмеры в случае международно-противоправного деяния

51. Было выражено мнение о том, что контрмеры представляют собой важное исключаящее противоправность обстоятельство, признанное в международной судебной практике. Было положительно воспринято предложение об изменении формулировки текста, предусматривающем увязку этой статьи с другими статьями о контрмерах. Предлагалось, чтобы контрмеры рассматривались в рамках положений, касающихся восстановления соблюдения обязательств в качестве инструмента гарантирования выполнения обязательства, возмещения или прекращения, инструмента, который связан с реализацией международной ответственности. И напротив, были высказаны сомнения относительно необходимости рассмотрения контрмер в качестве одного из обстоятельств, исключаящих противоправность. Было высказано предложение о том, что в случае сохранения этой статьи в ней следует конкретно указать, что представляет собой разрешенную контрмеру, и что статьи 30 и 30 бис следует сохранять в квадратных скобках до тех пор, пока в главе III части второй не будет определен режим контрмер.

Статья 30 бис. Несоблюдение, вызванное предшествующим несоблюдением другим государством

52. В связи с этой предложенной статьей был высказан ряд идей, в том числе о ее доработке, особенно в том, что касается ее связи с контрмерами и форс-мажорными обстоятельствами; о включении в нее одного из этих положений, несмотря на то, что она по своему характеру

отличается от их обоих; об укреплении причинной связи между предыдущим несоблюдением и последующим несоблюдением; и об указании на соразмерность. Однако целесообразность включения такого положения была также поставлена под сомнение, поскольку создается опасность легитимации несоблюдения того или иного конкретного обязательства без указания на общие условия, ограничивающие применение контрмер. Кроме того, указывалось, что, как представляется, *exceptio inadimpleti contractus* является первичной нормой.

Статья 31. Форс-мажор и непредвиденный случай

53. Было поддержано предложение об изменении формулировки этой статьи посредством исключения слов «непредвиденный случай». Было выражено мнение о важности четкого указания в комментарии на то, что: форс-мажор должен по-настоящему выходить за рамки контроля государства, ссылающегося на него; форс-мажор не будет применяться к ситуациям, которые сложились в результате непосредственных действий государств или в силу небрежности, или из-за игнорирования опасности возникновения такой ситуации; и материальная или действительная неспособность обеспечить соблюдение отличается от обстоятельств, осложняющих такое соблюдение. Кроме того, было поддержано ограничительное по своему характеру изъятие, касающееся возможности ссылки на форс-мажорные обстоятельства, сложившиеся в результате поведения государства, ссылающегося на них, даже если такое поведение не было противоправным. Хотя также получило поддержку предложение об исключении требования, связанного с осведомленностью о противоправности, поскольку международное право не требует, чтобы государство знало о том, что его поведение не соответствует обязательству, было высказано предложение о том, что ссылку на «непредвиденное внешнее событие» следует заменить менее субъективным термином «непредвидимое» во избежание какого-либо неверного толкования.

Статья 32. Бедствие

54. Была выражена озабоченность по поводу возможных злоупотреблений этой статьей,

поскольку в ней подчеркивается субъективный элемент, т.е. «разумно полагал», а не объективный критерий, такой, как чрезвычайные меры, принятые каким-либо лицом для защиты жизни других вверенных ему людей. Согласно еще одному мнению, распространение сферы действия понятия бедствия на случаи, когда речь идет не о человеческой жизни, а о чести или добросовестности, небезопасно, поскольку это может дать повод для злоупотреблений.

Статья 33. Состояние необходимости

55. Было выражено мнение о том, что это сложное и проблематичное предложение следует сохранить и переформулировать негативным образом, с тем чтобы на необходимость можно было ссылаться лишь в крайних случаях. Отмечалось, что, как и в деле о проекте Габчиково–Надьямарош, хотя необходимость может оправдывать несоблюдение договора, договор продолжает действовать и обязанность его соблюдать возникает вновь, когда прекращает существовать состояние необходимости. Кроме того, указывалось, что гуманитарная интервенция регулируется первичными нормами, в частности пунктом 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, что на необходимость нельзя ссылаться для оправдания нарушения этих императивных норм и что это следует разъяснить в комментарии во избежание каких-либо злоупотреблений. Было высказано предложение о том, что проблема научной неопределенности и принцип предосторожности должны быть рассмотрены в статье или комментарии. В отличие от этого было высказано предложение о том, что о деле о юрисдикции в отношении рыболовства (Испания против Канады) не следует упоминать в комментарии, поскольку насильственный арест испанского судна в открытом море нельзя оправдать состоянием необходимости.

56. Было предложено тщательно изучить изменения, которые Редакционный комитет внес в предложенный Специальным докладчиком текст, с учетом их далеко идущих последствий и потенциальных злоупотреблений, а именно: сфера применения статьи была расширена, поскольку критерий «существенный интерес» в пункте 1(а) уже более не ограничивается ссылкой на государство, и «международное сообщество в

целом» упоминается в пункте 1(b) для учета обязательств *erga omnes*.

Статья 34. Самооборона

57. Была подчеркнута важность того, чтобы эта статья согласовывалась с Уставом Организации Объединенных Наций. Предлагалось, что после выражения «Уставом Организации Объединенных Наций» включить выражение «или, в случае необходимости, иными соответствующими нормами обычного международного права», с тем чтобы расширить сферу охвата этой статьи за пределы условия, установленного в статье 51 Устава на основе различий между двумя понятиями самообороны и эволюцией и характером отношений между нынешними субъектами международного права. Было поддержано предложение о решении проблемы, которой коснулся Международный Суд в своем консультативном заключении по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения, с помощью четкого пункта, такого, как предлагаемая статья 29 тер, пункт 2, который, как было сочтено, является предпочтительным по сравнению с простым отражением в комментарии. И напротив, были высказаны сомнения относительно целесообразности добавления нового пункта для разъяснения того, что законное осуществление права на самооборону не подразумевает освобождения от соблюдения норм и принципов *jus in bello*, поскольку такое соблюдение имплицитно отражено в понятии «законная мера самообороны».

Статья 34 бис. Процедура ссылки на обстоятельство, исключающее противоправность

58. Были высказаны различные точки зрения относительно целесообразности этого положения. В качестве аргумента против него обращалось внимание на гибкий и неформальный характер межгосударственных отношений и на автоматическое функционирование большинства обстоятельств, исключающих противоправность, которое делает заблаговременное уведомление невозможным. Предлагалось включить это положение в раздел, в котором идет речь об урегулировании споров, что позволит навести мост между состоянием противоправности и восстановлением правомерности.

Статья 35. Оговорка в отношении возмещения ущерба

59. Было поддержано предложение о сохранении этой статьи, принятой в первом чтении, поскольку обстоятельства, исключаящие противоправность, носят временный характер и не затрагивают действительность соответствующего международного обязательства. Было выражено мнение о том, что положение о возмещении ущерба в результате

ссылки на обстоятельства, исключаящие противоправность, не является ясным и требует дальнейшего рассмотрения, особенно в связи с тем, что, когда предшествующее поведение государства, затронутого деянием, является противоправным, то нет оснований для выплаты ему возмещения, поскольку невиновное государство должно получать возмещение от государства, которое нарушило его права и ущемило его интересы. Было высказано предложение о том, что вопрос о возмещении потерпевшему государству можно было бы также рассмотреть в этом контексте. Кроме того, предлагалось включить эту статью в часть, касающуюся восстановления состояния правомерности.

60. И напротив, была также поддержана предложенная Специальным докладчиком измененная формулировка статьи 35, при условии, что ссылка на нее не повлияет негативно на прекращение любого деяния, не соответствующего обязательству, и его последующее выполнение в случае прекращения существования обстоятельств, исключаящих противоправность. Была также поддержана идея о рассмотрении вопроса о прекращении в этой статье.

Другие возможные обстоятельства

61. Было выражено мнение о том, что доктрина «чистых рук» не является обстоятельством, исключаящим противоправность, и что к ней не следует относиться как к таковой. Было выражено мнение о том, что *должная осмотрительность* логично связана с различием между нарушениями обязательств результата, поведения и предотвращения и не является одним из таких обстоятельств. В то же время было выражено мнение о важности указания на *должную осмотрительность* в качестве стандарта, который надлежит применять при выполнении международно-правовых обязательств, или по меньшей мере включения исключаящей оговорки, как это сделано в статье 73 Венской конвенции о праве международных договоров, в сопровождении соответствующего комментария. Было выражено мнение о том, что необходимость во включении *принуждения* в качестве одного из обстоятельств отсутствует, поскольку все возможные случаи, предусмотренные

в Венской конвенции о праве международных договоров, уже охватываются статьей 31 о форс-мажоре.

Часть вторая. Содержание, формы и степени международной ответственности

Глава I. Общие принципы

Статья 40. Понятие потерпевшего государства

62. Было высказано предложение о том, что в этом положении следует дать четкое определение преступному посягательству на право потерпевшего государства и что следует включить в ясно выраженной форме указание на материальный или моральный ущерб, понесенный рассматриваемым государством. Таким образом, определение могло бы включать в себя два следующих элемента: элемент морального или материального ущерба и элемент причинной связи между ущербом и деянием. Другие высказали мнение о том, что необходимость указания на причиненный таким образом ущерб отсутствует, поскольку посягательство на право может влечь за собой потенциальный ущерб, но не причинить реальный ущерб. Кроме того, рекомендовалось ограничить международную ответственность защитой собственных государственных прав и интересов. Поэтому государство может рассматриваться в качестве «потерпевшего», если оно понесло ущерб, связанный с нарушением права, которое было создано или установлено в его пользу или было учреждено для защиты коллективных интересов, вытекающих из договора, которым оно связано; или если международно-противоправное деяние другого государства негативно сказалось на реализации его прав или выполнении его обязательств; или если нарушенное обязательство было установлено для защиты прав человека и основных свобод.

63. И напротив, была выражена озабоченность по поводу того, что пункт 2(е)(iii) позволяет любому государству — участнику многостороннего договора, принятого в целях защиты прав человека и основных свобод, считаться потерпевшим государством и в этой связи требовать возмещения. Был признан особый статус договоров по вопросам

прав человека, при этом был задан вопрос о форме возмещения другим государствам-участникам в том случае, если одно из государств — участников договора по вопросам прав человека нарушило права своих собственных граждан вопреки своим международным обязательствам, а также вопрос о том, как может быть определен размер возмещения при отсутствии реального ущерба другим государствам-участникам. Если в таких случаях возмещение не ограничивается заверениями и гарантиями неповторения, это положение может давать государствам возможность требовать другие формы возмещения, перечисленные в статье 42. Было высказано предложение о том, что указание в пункте 2(f) на договоры в целях защиты коллективных интересов государств-участников также нуждается в разъяснении в связи с видами охватываемых многосторонних договоров и вопросом о возмещении.

64. Было поддержано предложение о том, что следует проводить различие между государством или государствами, конкретно пострадавшими от международно-противоправного деяния, и государствами, которые обладают правовым интересом в отношении выполнения соответствующих обязательств, но которые не понесли поддающийся оценке с экономической точки зрения ущерб. Отмечалось, что рассматриваемый правовой интерес должен поддаваться определению и быть конкретным, а не просто быть интересом, который каждое государство может иметь в отношении уважения международного права другими государствами; и даже если он может существовать в отношении обеих категорий государств, в практике государств лишь конкретно потерпевшее государство должно иметь право на то, чтобы требовать возмещение и получать компенсацию (включая, помимо основной суммы ущерба в денежном выражении, проценты и упущенную выгоду). Было выражено мнение, что пункты 2(е) и (f) и пункт 3 вносят путаницу, поскольку они предусматривают наличие «потерпевшего» государства, требующего возмещения в форме реституции, компенсации и удовлетворения, несмотря на отсутствие в международном праве или практике государств основы для требования возмещения при отсутствии реального ущерба. Кроме того, отмечалось, что режим ответственности за нарушение норм, структура которых более не соответствует

классической вестфальской системе, такие, как обязательства *erga omnes*, не может быть одинаковым с режимом, применяемым к нормам, основанным на взаимности. Обязательства *erga omnes* не подразумевают, что все государства страдают от нарушения одинаково: можно было бы провести различие между потерпевшими государствами и теми государствами, которые имеют право возбуждать иски против правонарушителя, и средства правовой защиты, доступные заинтересованным не пострадавшим государствам, должны быть ограничены правом требовать прекращения противоправного поведения и предоставления возмещения потерпевшему государству. И напротив, были выражены сомнения относительно целесообразности этого различия с учетом неопределенности понятия «иные государства, которые обладают правовым интересом».

65. Было выражено мнение о том, что можно провести различие между государством, непосредственно затронутым нарушением императивной нормы или «международным преступлением», и другими государствами. Однако был также поддержан подход в пункте 3, в соответствии с которым «потерпевшими государствами» будут считаться все государства, а не только те государства, права которых были ущемлены в результате международного преступления. Вместе с тем было также выражено мнение о том, что этот пункт можно было бы далее развить, с тем чтобы не требовалось сопутствование всех последствий противоправного деяния, перечисленных в главе II, в случае совершения «международного преступления».

66. Отмечалось, что перечень ситуаций в пункте 2 не является исчерпывающим и может привести к путанице, поскольку в нем в ясно выраженной форме не упоминается ни двусторонний обычай, ни нарушение обязательств, вытекающих из одностороннего акта, которые могут быть *uti singuli* или *erga omnes*, несмотря на ссылку на обычное право в подпункте (e). И напротив, было поддержано предложение о включении иллюстративного перечня, допускающего возможность иных ситуаций. Кроме того, отмечалось, что вопрос о государстве, понесшем ущерб в результате одностороннего акта другого государства, в настоящее время рассматривается

Комиссией в рамках отдельной темы. В то же время были высказаны сомнения относительно целесообразности перечня, поскольку некоторые примеры сопряжены с проблемами. Например, подпункт 2(e), в котором идет речь об ущербе в результате нарушения многостороннего договора, как представляется, противоречит статье 60 Венской конвенции о праве международных договоров. Утверждалось,

что нарушения договорных положений сначала должны регулироваться положениями самого договора, после чего надлежащими правовыми рамками должно быть право международных договоров, а не нормы об ответственности государств.

Глава II. Права потерпевшего государства и обязательства государства, совершившего международно-противоправное деяние

67. Было выражено мнение о том, что эта глава является сбалансированной. Вместе с тем обращалось внимание на необходимость рассмотрения связи между государствами, имеющими право ссылаться на ответственность в связи с одним и тем же нарушением, и вопросом о том, поглощает ли требование одного государства о выплате возмещения права других государств.

Статья 41. Прекращение противоправного поведения

68. Был поддержан лежащий в основе принцип, поскольку обязательство прекратить противоправное поведение необходимо в первую очередь. Было выражено мнение о том, что положение о прекращении может фигурировать в отдельном положении или в статье о последствиях международно-противоправного деяния (статья 36).

Статья 42. Возмещение

69. Было выражено мнение о том, что требование о предоставлении полного возмещения без каких-либо оговорок прочно утвердилось в международном праве. Указывалось, что требование возмещение за понесенный ущерб может лишь непосредственно затронутое государство и что другие государства должны быть удовлетворены обязательствами, изложенными в проектах статьи 41 и 46, без ущерба главе VII Устава Организации Объединенных Наций. Были выражены сомнения относительно правовой основы изъятия в пункте 3, которым могут злоупотреблять государства, с тем чтобы уклониться от выполнения их юридических обязательств, и которое может

негативно сказаться на принципе полного возмещения.

Статья 43. Реституция в натуре

70. Были высказаны возражения в отношении изъятия, предусмотренного в подпункте (d).

Статья 44. Компенсация

71. Было выражено мнение о том, что компенсация является существенно важным вопросом, который должен быть урегулирован в более подробных положениях, особенно в том, что касается оценки в денежном выражении ущерба, включая проценты и упущенную выгоду. В число предложений входило предложение о ссылке на разные формы компенсации, предложенные Специальным докладчиком в 1989 году, или на различные нормы, вытекающие из международной практики и юриспруденции, такие, как принцип, согласно которому ущерб, понесенный гражданином, является мерилем ущерба, понесенного государством. Кроме того, было высказано предложение о том, что проценты «должны», а не «могут» включаться в любую присуждаемую компенсацию в целях отражения действующих норм международного права и лишения государства-правонарушителя стимула затягивать выплату компенсации. Отмечалось, что выплата процентов в связи с просроченной компенсацией должна определяться лишь после установления размера компенсации и достаточного льготного периода для ее выплаты. И напротив, было высказано мнение о том, что нет необходимости в конкретном указании обязательства выплачивать проценты. Предпочтение было отдано более аналитическому варианту статьи 44, в котором отсутствует ссылка на проценты или упущенную выгоду.

Статья 45. Сатисфакция

72. Было высказано предложение о необходимости определения термина «моральный ущерб». Были высказаны оговорки в отношении пункта 2(с), поскольку международное право не позволяет требовать покрытия ущерба и процентов в денежном выражении в случае сатисфакции за моральный ущерб, о котором шла речь в делах Картаж и Мануба. Обращалось внимание на возможность включения новых форм

«конструктивного возмещения», признанных в деле Рейнбоу Уорриор. Указывалось, что в пункте 2(c) содержится указание на штрафные убытки, которые признаются не во всех судебных системах. Была высказана идея о том, что пункт 2(d) учитывает озабоченность внутригосударственного характера относительно дисциплинарных мер воздействия по отношению к должностным лицам, которая не должна отражаться в проектах статей. Кроме того, предлагалось исключить пункт 3, с тем чтобы избежать положения, когда государство, совершающее противоправное деяние, может ссылаться на достоинство государства в качестве оправдания.

Статья 46. Заверения и гарантии неповторения

73. Включение этой статьи в главу, в которой идет речь о возмещении ущерба, вызвало удивление, поскольку в отличие от реституции в натуре, компенсации или сатисфакции, которые обычно покрывают ущерб полностью или частично, заверения и гарантии неповторения касаются возможного будущего ущерба и более тесно связаны с мерами предосторожности.

Глава III. Контрмеры

74. Отмечалось, что контрмеры играют важную роль в режиме ответственности государств и что глава III представляет собой ценное резюме практики государств и устанавливает справедливый и правильный баланс между интересами потерпевшего государства и интересами государства-правонарушителя. Тем не менее указывалось, что контрмеры допускаются по международному праву лишь в качестве крайнего средства в исключительных случаях и что поэтому они должны быть четко и точно регламентированы, с тем чтобы в максимальной степени отражать действующие нормы обычного международного права, не изменяя и не совершенствуя эти нормы. В частности, были высказаны следующие предложения: узкое определение пределов контрмер и исключительного характера их применения во избежание злоупотреблений; установление процедур для разрешения любых споров в контексте системы третейского урегулирования споров; четкое указание на то, что контрмеры должны приниматься на добросовестной основе,

применяться объективно, быть соразмерными серьезности противоправного деяния и не затрагивать прав третьих государств-участников. Кроме того, особо подчеркивалось, что контрмеры не могут носить штрафной характер и должны быть направлены на обеспечение реституции и возмещения или компенсации. Подчеркивалось также, что вооруженные контрмеры запрещены пунктом 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, который стал обычной нормой международного права. Было высказано также предложение о том, что следует рассмотреть вопрос об ответственности государств в случае репрессалий, несоизмерных первоначальному нарушению.

75. Было выражено мнение о том, что пункт 2 статьи 58 ненадлежащим образом увязывает принятие контрмер с обязательным арбитражем, поскольку это может дать государству правонарушителю право инициировать обязательный арбитраж, что может привести к злоупотреблениям в виде поощрения обращения к контрмерам, а не к ограничению их использования. Обязательный арбитраж может также осложнить спор или даже усилить напряженность в отношениях между государствами. Было высказано предложение о том, что государство, принимающее контрмеры, и государство-объект контрмер должны иметь одни и те же возможности в плане обращения к средствам мирного разрешения. Было высказано предложение о том, что в проекте можно было бы указать на то, что арбитраж зависит не только от соображений юридического характера, но и от политических факторов, поскольку он затрагивает правосудие и международный мир и безопасность. Вместе с тем отмечалось, если они не будут связаны друг с другом, необходимо будет ввести строгие ограничения на принятие контрмер, включая отказ государства-правонарушителя в ответ на предложение об урегулировании вопроса посредством обязательного третейского разбирательства, в качестве условия обращения к таким мерам.

76. Была также выражена озабоченность по поводу того, что в части второй содержатся необоснованные ограничения на применение контрмер. Указывалось, что обращение к процедурам разрешения споров не всегда исключает контрмеры, поскольку международная

практика четко не указывает на то, что контрмеры должны приниматься лишь после исчерпания всех возможных совместных процедур разрешения споров. При отсутствии такой нормы ничто не может остановить государство от принятия таких контрмер, которые оно считает надлежащими. Аналогичным образом, было выражено мнение о том, что статья 48, согласно которой потерпевшее государство должно проводить переговоры до принятия контрмер, не имеет основы в обычном международном праве в отличие от требования о прекращении или возмещении. Кроме того, было бы непрактичным запрещать принимать контрмеры либо до, либо во время переговоров, поскольку таким положением могли бы злоупотреблять государства-правонарушители, которые использовали бы под предлогом переговоров тактику затягивания принятия контрмер. Было выражено мнение о том, что обязательство проводить переговоры должно быть возложено на государство, совершившее противоправное деяние. Кроме того, отмечалось, что положение в статье 48, касающееся временных мер защиты, не является достаточно четким.

77. Вместе с тем было также выражено мнение о том, что в проектах статей не следует рассматривать сложную и являющуюся в значительной степени объектом злоупотреблений концепцию контрмер, которые противоправны сами по себе.

Глава IV. Международные преступления

Статья 52. Особые последствия

78. Было высказано предложение о том, что в статье 52 следует указать, что на международные преступления, перечисленные в статье 19, не распространяется срок давности в соответствии с Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

79. Отмечалось отсутствие в международном праве основы для положения, позволяющего государству, понесшему ущерб в результате противоправного деяния, квалифицируемого в качестве преступления, требовать возмещения, если это будет налагать на государство-правонарушителя бремя, абсолютно несоразмерное благам, которые

получит потерпевшее государство в результате компенсации, или если это поставит под серьезную угрозу политическую независимость или экономическую стабильность государства-правонарушителя.

80. Кроме того, отмечалось, что статью 52 следует исключить как ненужную в том случае, если будут исключены изъятия из обязательства предоставить возмещение согласно статье 43 и пункту 3 статьи 45.

Статья 53. Обязательства для всех государств

81. В связи с этой статьей была выражена озабоченность по поводу того, что: подпункт (а) обязывает государство не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате преступления, при этом не проводится различие между явно выраженным и подразумеваемым признанием; подпункты (а) и (b) не содержат ссылки на сроки; и подпункт (d) требует от государства сотрудничать с другим государством в осуществлении любой меры, направленной на ликвидацию последствий преступления, даже если это государство считает, что эта мера является нецелесообразной или вряд ли будет эффективной.

Часть третья. Урегулирование споров

82. Было выражено мнение о том, что процедуры третейского урегулирования споров являются *sine qua non* в современном международном праве и незаменимым средством защиты для малых и более слабых государств. Эти положения были охарактеризованы как «третичные нормы», которые способствуют имплементации вторичных норм, делая институт международной ответственности эффективным. Предлагалось включить указание на обязательство государств стремиться к мирному разрешению споров, подпадающих под режим международной ответственности.

83. И напротив, отмечалось, что эти положения не подпадают под режим ответственности государств, поскольку их цель заключается в мирном разрешении споров, связанных с применением или толкованием первичных или материально-правовых норм, а также вторичных норм или норм, связанных

с присвоением ответственности. Кроме того, отмечалось, что разрешение споров требует специальных, более подробных положений и что их включение может быть сопряжено с проблемами с точки зрения принятия проекта Комиссией, а также его конечного воплощения в форму конвенции. Кроме того, отмечалось, что установление дополнительного органа для решения вопроса о действительности или недействительности арбитражных решений является неприемлемым, поскольку это неизбежно негативно скажется на авторитете этих решений, что приведет к дестабилизации международных отношений и сделает Международный Суд высшей инстанцией в отношении арбитражных вопросов.

В. Оговорки к договорам

1. Общие комментарии

84. Многие делегации поддержали концепцию Руководства по практике, которое позволит устранить неопределенность и пробелы в Венских конвенциях и очень пригодится государствам и международным организациям, поскольку пересмотр Венских конвенций 1969, 1979 и 1986 годов производиться не будет. По мнению этих делегаций, нормы, содержащиеся в этих конвенциях, являются гибкими и устанавливают баланс между целями сохранения текста договора и обеспечения универсального участия, а также приобрели статус обычных норм. Поэтому отсутствует необходимость в установлении отдельного режима для договоров по вопросам прав человека или создании контрольного органа для определения характера и правомерности оговорок, которые могут определять лишь государства или суды.

85. Некоторые делегации выразили мнение о том, что в принятых до настоящего времени проектах основных положений содержатся многие практические решения и разъяснения в отношении определения оговорок и заявлений о толковании. Кроме того, комментарии будут иметь ценное и полезное значение для государств. Было также с удовлетворением встречено включение в определение оговорок односторонних заявлений государств, уведомляющих об их правопреемстве в отношении того или иного договора. Такое

уведомление позволило бы свести к минимуму опасность споров относительно оговорок в будущем. По мнению одной из делегаций, в конечном счете основные положения должны быть приняты в форме проекта конвенции.

86. Другие делегации выразили мнение о том, что режим, установленный Венской конвенцией 1969 года, не исключает возможности установления специальных режимов, предназначенных для разъяснения значения и возможных последствий существенно важных положений, и пожелали, чтобы Комиссия рассмотрела вопрос о специальном режиме для оговорок к договорам по вопросам прав человека и соглашениям кодификационного характера, применительно к которым установленный Венской конвенцией 1969 года режим, касающийся последствий недопустимых оговорок, является неудовлетворительным и неэффективным и нуждается в разъяснении. Таким образом, последствия возражения в отношении оговорки заключаются в том, что положения, с которыми связана оговорка, не применяются в отношениях между двумя государствами, что зачастую противоречит желанию возражающего государства, особенно в области прав человека. В этой связи Комиссия могла бы руководствоваться современной международной практикой, например практикой государств — членов Европейского союза и Совета Европы, которые ведут переговоры с делающими оговорки государствами, с тем чтобы убедить их снять или изменить их оговорки и — в случае неудачи — предлагают совместные возражения.

87. Вместе с тем, даже если на государстве лежит исключительная обязанность исправить положение, возникшее в результате неприемлемой оговорки, фактическое положение по-прежнему состоит в том, что несовместимость оговорки с объектом и целью договора и вытекающие последствия должны носить объективный характер. В число других вопросов входил вопрос о том, должны ли государства в случае оговорки, противоречащей статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров, выдвигать возражения вообще, с тем чтобы не допустить ее вступления в силу; вопрос о том, должно ли государство, формулирующее недопустимую оговорку, по-прежнему рассматриваться в качестве стороны

договора; или даже вопрос об изменениях к оговоркам во всех его аспектах.

88. По мнению некоторых делегаций, Комиссии следует на более позднем этапе изучить вопрос и критерии, касающиеся приемлемости оговорок к многосторонним договорам нормативного характера (таким, как договоры в области прав человека), и возможную роль, которую должны играть контрольные органы, а также доктрину делимости. Затем, она могла бы вернуться к вопросу об определениях и включить элементы, касающиеся недопустимых оговорок, либо в проекты основных положений, либо в комментарий.

89. Согласно другому мнению, большинство реальных проблем, вызванных оговорками и их последствиями, не связаны с вопросом об их определении. В этом контексте также отмечалось, что, поскольку не все основные положения касаются определений (например, основные положения 1.3.1 и 1.3.2), название первой главы, а также некоторых основных положений (например, 1.6) следует соответствующим образом изменить.

90. Предлагалось также включить в Руководство по практике типовые заявления, т.е. последовать подходу, используемому Комитетом юрисконсультов по международному публичному праву Совета Европы в отношении оговорок.

91. Кроме того, предлагалось, чтобы в Руководстве был рассмотрен вопрос о внутренне непоследовательных заявлениях, которые порой кажутся оговоркой, а иногда — заявлением о толковании.

2. Комментарии по проектам основных положений

Проект основного положения 1.1.1 (Объект оговорок)

92. Несколько делегаций поддержали измененную формулировку проекта основного положения 1.1.1, поскольку она в большей степени отражает практику сквозных оговорок, которые исключают применение договора в целом по отношению к некоторым категориям лиц, объектов, ситуаций или обстоятельств. Однако, несмотря на тот факт, что вопрос об определении оговорок отличается от

вопроса об их допустимости и юридических последствиях, эти делегации выразили озабоченность в связи с тем, что сформулированное в явно выраженной форме определение сквозных оговорок будет способствовать активизации и без того уже широко распространенной практики формулирования таких оговорок. Эти оговорки следует отличать от общих оговорок, которые «аннулируют» любое обязательство и должны отвергаться вместе с оговорками, касающимися норм *jus cogens* или обязательств *erga omnes*.

Проект основного положения 1.1.2 (Случаи, в которых могут делаться оговорки)

93. Было выдвинуто предложение, согласно которому в текст следует включить перекрестную ссылку на статью 20 Венской конвенции 1978 года, поскольку уведомление о правопреемстве является одним из средств выражения согласия на обязательность договора.

Проект основного положения 1.1.3 (Оговорки, имеющие территориальную сферу действий)

94. Некоторые делегации выразили мнение о том, что нельзя решить вопрос о том, является ли то или иное заявление оговоркой или нет, не проанализировав сначала объект договора и последствия этого заявления в случае его применения. Юридический статус разных частей той или иной территории значительно различается в разных государствах, как и компетенция центрального правительства принимать законодательные акты, касающиеся автономных областей. Если все такие заявления будут неизменно квалифицироваться в качестве оговорок, то некоторые государства не смогут ратифицировать договоры, которые в явно выраженной форме запрещают оговорки. Было также предложено включить в основное положение 1.1.3 (и основное положение 1.1.4) временное ограничение, упоминаемое в основных положениях 1.1.5 и 1.1.6.

Проекты основных положений 1.1.5 (Заявления, направленные на ограничение обязательств их автора) и 1.1.6 (Заявления с целью выполнения обязательства эквивалентным образом)

95. Было выдвинуто предложение, согласно которому эти основные положения могли бы стать новыми пунктами основного положения, посвященного объекту оговорок (1.1.1). Затем можно было бы включить простую ссылку в соответствующий комментарий к заявлениям с целью взятия односторонних обязательств (основное положение 1.4.1). Согласно другому мнению, основное положение 1.1.6, требующее эквивалентности в том, что касается порядка выполнения обязательства, не соответствует широко распространенной практике и было бы лишним в случае, если объектом положения договора является конкретный результат, а не способ его достижения. Кроме того, понятие эквивалентности является довольно неопределенным и может осложнить выполнение основного положения. Поэтому слова «но эквивалентным ему» следует исключить.

**Проекты основных положений 1.1.7
(Оговорки, формулируемые совместно)
и 1.2.2 (Заявления о толковании,
формулируемые совместно)**

96. Было выражено мнение о целесообразности включения в текст положений, касающихся разных случаев снятия оговорок или заявлений о толковании, формулируемых совместно.

**Проект основного положения 1.2
(Определение заявлений о толковании)**

97. Делегации выразили мнение о том, что определение заявлений о толковании, которые часто путают с оговорками, является очень важным, поскольку оно устанавливает их разные цели, касающиеся в общем толкования договоров.

98. Делегации поддержали решение включить в основные положения отдельное определение заявлений о толковании, поскольку различие между ними и оговорками очень часто представляется очень тонким. Несколько элементов способствовали стиранию необходимого различия между оговорками и заявлениями о толковании. Критерий намерения, который был выбран для определения заявлений о толковании, является удовлетворительным. Однако в определении заявления о толковании следует также конкретно указать момент времени, когда такое заявление можно формулировать, поскольку было бы предпочтительным ограничить такое заявление определенным сроком. Временной элемент так же необходим, как и в случае условных заявлений о толковании.

99. Констатировалось отсутствие единой или однозначной концепции заявлений о толковании и существование разных заявлений, поскольку их юридические последствия зависят от того, касаются ли они многосторонних или двусторонних договоров.

100. Согласно другому мнению, необходимость в подразделении заявлений о толковании на слишком большое количество подкатегорий отсутствует, и было также выдвинуто предложение, согласно которому, видимо, более целесообразной была бы менее «субъективная» формулировка, касающаяся толкования договора.

101. Кроме того, отмечалось, что заявления о толковании являются важным и гибким инструментом (поскольку они строго не ограничиваются моментом, когда государство-преемник выразило свое согласие на обязательность для него договора) для толкования и корректировки договорных обязательств государств-преемников, которые часто обязаны уведомлять о правопреемстве по отношению к целому комплексу договоров в течение ограниченного периода времени.

102. Было выражено мнение о том, что зачастую заявления о толковании являются единственным способом, с помощью которого государства могут присоединиться к общему многостороннему документу, и что поэтому их следует рассматривать в свете конкретных особенностей разных культур, оказывающих влияние на правовые режимы государств.

**Проект основного положения 1.2.1
(Условные заявления о толковании)**

103. Было выдвинуто предложение о том, что Комиссии следует еще более разъяснить различие между простыми и условными заявлениями о толковании и их последствиями, особенно в отношении двусторонних договоров. Это также может обусловить необходимость изменения основного положения 1.5.2 и комментария к нему.

104. Кроме того, отмечалось, что условные заявления о толковании должны классифицироваться как часть режима, применимого к оговоркам, в то время как, согласно другому мнению, различие между оговорками и условными заявлениями о толковании следует сохранить из-за особого характера последних, которые не применяются автоматически и начинают действовать лишь в том случае, если выполнено рассматриваемое условие. Кроме того, следует продолжить рассмотрение вопроса о возможных последствиях таких заявлений (например, кто принимает решение о том, что условие было выполнено и когда и т.д.).

Проект основного положения 1.3 (Различие между оговорками и заявлениями о толковании)

105. Некоторые делегации пришли к выводу о том, что это основное положение является очень полезным, поскольку в нем подчеркивается важность юридического действия, на достижение которого направлено одностороннее заявление. Содержание любого заявления является всего лишь одним из элементов, который необходимо учитывать, для установления его настоящего характера. Согласно одному мнению, это основное положение следует объединить с проектом основного положения 1.3.2.

**Проект основного положения 1.3.1
(Установление различия между оговорками и заявлениями о толковании)**

106. Указывалось, что в этом основном положении содержится общая норма, которая является очень полезной, включая дополнительные средства толкования того или иного конкретного одностороннего заявления, как и любого другого документа (в дополнение к договору или соответствующему одностороннему заявлению), когда в результате толкования смысл остается неопределенным или достигнут явно нелогичный результат.

107. Согласно другому мнению, намерение государства, делающего заявление, всегда отражено в тексте заявления.

**Проект основного положения 1.3.3
(Формулирование одностороннего заявления в случае запрещения оговорок)**

108. Было высказано предложение о том, что, когда договор в ясно выраженной форме запрещает какие-либо оговорки, никакие оговорки по существу не являются допустимыми и что этот элемент должен быть отражен в тексте основного положения во избежание каких-либо злоупотреблений. В этом смысле, как представляется, основное положение 1.3.3 ослабляется выражением «за исключением случая, когда оно направлено на то, чтобы исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора», поскольку такая формулировка четко не предусматривает, что заявления, сделанные с таким намерением, должны рассматриваться государствами как ненадлежащие.

**Проект основного положения 1.4.1
(Заявления с целью взятия односторонних обязательств)**

109. Делегации согласились с тем, что односторонние заявления с целью увеличения объема обязательств государств, выходящих за пределы обязательств, налагаемых на них договором, не представляют собой оговорки и, соответственно, выходят за рамки Руководства по практике. Такие обещания скорее напоминают односторонние акты.

**Проект основного положения 1.4.2
(Односторонние заявления, направленные на добавление дополнительных элементов в договор)**

110. Отмечалось, что это основное положение должно также включать в себя основное положение 1.1.6 о заявлениях с целью выполнения обязательства эквивалентным методом и основное положение 1.3.3 о формулировании одностороннего заявления в случае запрещения оговорок, поскольку в обоих случаях в договор добавляются дополнительные элементы.

**Проекты основных положений 1.4.3
(Заявления о непризнании), 1.4.4
(Общеполитические заявления) и 1.4.5
(Заявления, касающиеся условий осуществления договора на внутреннем уровне)**

111. Некоторые делегации согласились с мнением о том, что заявления о непризнании и общеполитические заявления должны быть исключены из сферы применения Руководства по практике. Они также выразили мнение о том, что цель заявлений о непризнании состоит в отказе непризанному образованию в возможности брать на себя обязательства, а не в исключении или изменении юридического действия конкретных положений договора. Поэтому эти основные положения следует вообще исключить из Руководства. С этим мнением не согласились другие делегации, которые считают, что эти основные положения должны быть включены, поскольку они способствуют более глубокому пониманию предмета. Было выдвинуто предложение о том, что Комиссии следует рассмотреть вопрос о юридических последствиях

заявлений о непризнании, которые исключают применение договора в отношениях между делающим заявление государством и непризантым образованием, поскольку они могут быть аналогичны юридическим последствиям оговорок.

112. Кроме того, отмечалось, что комментарий к основному положению 1.4.4 нуждается в дальнейшем разъяснении.

113. В отношении заявлений, касающихся условий осуществления договора на внутреннем уровне (1.4.5), отмечалось, что в случаях, когда договор предусматривает, что конкретные способы осуществления являются обязательными для внутренних правовых систем государств-участников, такие заявления могут представлять собой настоящие оговорки, даже если желание изменить или исключить юридическое действие некоторых положений договора не является сразу явным. Поэтому следует добавить выражение о том, что эти заявления не только не имеют целью оказать воздействие на права или обязательства государства-автора, но и не могут оказать его.

**Проекты основных положений 1.5.1
(«Оговорки» к двусторонним договорам),
1.5.2 (Заявления о толковании в отношении двусторонних договоров) и 1.5.3
(Юридическое воздействие принятия заявления о толковании, сделанного в отношении двустороннего договора другой стороной)**

114. Делегации поддержали мнение о том, что односторонние заявления в отношении двусторонних договоров являются не оговорками, а предложениями о проведении переговоров об изменении договора. Название основного положения 1.5.1 следует изменить соответствующим образом, чтобы указать на то, что оно касается заявлений, направленных на изменение двустороннего договора, и этот факт должен быть четко отражен в самом тексте. Кроме того, отмечалось, что основные положения об оговорках к двусторонним договорам следует исключить из Руководства по практике. Вместе с тем отмечалось наличие практики государств, формулирующих заявления о толковании в отношении двусторонних договоров.

С. Односторонние акты государств

1. Общие замечания

115. Несколько делегаций подчеркнули актуальность, а также сложность находящейся на рассмотрении Комиссии темы. В этой связи было отмечено, что эта сложность порождается как в концептуальной, так и в практической сферах международного права не только чрезвычайно большим разнообразием односторонних актов, но и их вездесущностью в международных отношениях, тем, что они представляют собой имеющееся у государств самое прямое средство выразить свою волю и проводить свою повседневную дипломатическую деятельность. Вне зависимости от того, являются ли односторонние акты источником международного права по смыслу статьи 38 Статута Международного Суда, представляется безусловным, что практика государств и прецеденты подтверждают, что такие акты способны вызывать правовые последствия, порождающие права и обязанности государств.

116. Несмотря на вышесказанное, стоящая перед Комиссией задача является сложной по двум причинам. С одной стороны, существует значительная неопределенность в отношении правового режима, касающегося таких актов, и представляется затруднительным установить точные не вызывающие споров нормы. С другой стороны, не всегда просто провести различие между правовыми актами и политическими актами на международном уровне и определить, какие акты должны быть в центре внимания Комиссии. Этим объясняется важность этой темы, поскольку кодификация или развитие соответствующих норм или руководящих принципов в этой области повысили бы предсказуемость в международных отношениях.

117. Было высказано удовлетворение по поводу того, что, несмотря на сложность рассматриваемых вопросов, в работе над темой достигнут прогресс. Как отмечалось, во втором докладе Специального докладчика содержатся очень значительные и актуальные элементы и ясно определяются главные вопросы, подлежащие рассмотрению.

2. Определение и сфера охвата темы

118. Ряд делегаций поддержал понятие одностороннего акта, изложенное в пункте 589 доклада Комиссии, которое было предложено в качестве основного элемента при рассмотрении Комиссией этой темы и в качестве исходной основы для сбора информации о практике государств в этой сфере. Они сочли это понятие добротной исходной основой для рассмотрения этой темы.

119. Было подчеркнуто важное значение элемента «намеревается вызвать правовые последствия», содержащегося в вышеупомянутом понятии. Ссылаясь на то, что часто представляется затруднительным проводить различие между «правовым» и «политическим» актом, несколько делегаций подчеркнули, что именно элемент «намерения вызвать правовые последствия» со стороны государства, предпринимającego этот акт, позволяет проводить различие между теми актами, которые должны подпадать под сферу охвата данной темы, и теми актами, которые не должны подпадать под нее. Некоторые делегации пошли еще дальше и высказали мысль о том, что все односторонние акты являются в действительности «политическими» по своему характеру. Вследствие этого единственным подлинным критерием для определения того, должен ли тот или иной акт подпадать под сферу охвата темы, является наличие у автора намерения вызвать правовые последствия.

120. Некоторые делегации, не отвергая важности элемента «намерения», указали на трудности, свойственные этому понятию. Таким образом, по мнению одной из делегаций, элемент намерения мог бы быть трудно доказуем, а поэтому мог бы зависеть от толкования. По мнению другой делегации, в дополнение к вышеупомянутой трудности мог бы наличествовать также разрыв между намерением и результатом; иными словами, акты, совершенные с намерением вызвать правовые последствия, необязательно достигают задуманных результатов, и наоборот, — акты, которые не предназначаются для того, чтобы они вызывали правовые последствия, иногда вызывают их. В этой связи было предложено, чтобы слово «намерение» могло бы дополнительно быть уточнено в комментарии к проекту статей.

121. Что касается элемента «намерения вызвать правовые последствия», то была еще отмечена и

важность роли того, в адрес кого предпринимается акт. Адресат мог бы иногда отвергать правовые последствия по политическим соображениям, к примеру, для того чтобы обязать государство-автора вступить в переговоры, в то время как государство-автор иногда желает уклониться от вступления в них. В связи с этим следует подумать над вопросом о том, может ли адресат отвергать правовые последствия, которые по своему предназначению являются для него благоприятными.

122. Было также отмечено, что некоторые односторонние акты государств нацелены на установление обязательств для автора; другие — на установление прав; и третьи — на установление и обязательств, и прав; и что этот вопрос заслуживает серьезного изучения. Различные односторонние акты могли бы вызывать различные последствия: правовые последствия некоторых односторонних актов могли бы основываться на необходимости выполнить то или иное обязательство или на принципе добросовестности, в то время как односторонние акты, нацеленные на установление прав для государства-автора, могли бы иметь под собой другую основу.

123. В этой связи было выражено мнение о том, что при изучении односторонних актов Комиссия могла бы вести работу на поэтапной основе, начав с заявлений, которые создают обязательства, а не с тех, которые нацелены на приобретение или сохранение прав. Сфера охвата исследования могла бы быть расширена позднее и включать в себя последнюю категорию заявлений с учетом результатов работы, полученных в отношении первой категории.

124. Было также отмечено, что в некоторых случаях, как представляется, исследование односторонних актов затрагивает другие, более существенные режимы международного права. К примеру, признание государств может производиться посредством односторонней акции, однако условия и правовые последствия признания составляют занимающий видное место вопрос международного права, который не может решаться исключительно в аспекте формы акции. Был также поднят вопрос о том, следует ли включать этот случай в исследование односторонних актов или его лучше рассмотреть сам по себе как отдельный режим.

125. Поступило предложение редакционного характера о том, что в содержащемся в пункте 589 определении глагол «намеревается» следует заменить глаголом «подразумевают», с тем чтобы привести формулировку в соответствие с определением оговорок, которые сами по себе являются односторонними актами. Ввиду этого было предложено, что было бы благоразумным обеспечить согласованность между проектом, касающимся односторонних актов, и проектом, касающимся оговорок к договорам.

126. Были выражены различные мнения относительно включения в разработанную Комиссией в пункте 589 ее доклада концепцию понятия «автономии» односторонних актов. Некоторые делегации поддержали мнение Специального докладчика в его первом докладе по данной теме, а именно мнение о том, что лишь те односторонние акты, которые вдвойне автономны, т.е. не проистекают из других правовых актов и которые государство свободно осуществлять, должны подпадать под сферу охвата этой темы. В связи с этим эти делегации желали бы сохранения понятия «автономии» в концепции односторонних актов, разработанной Комиссией в пункте 589.

127. Другие делегации поддержали идею о невключении понятия «автономии» в концепцию односторонних актов, разработанную Комиссией. В этой связи было отмечено, что «автономия» односторонних актов является полностью условной, поскольку создаваемое ими правовое обязательство порождается не односторонним выражением воли государства-автора, а скорее совместимостью этой воли и интересов других государств. Невозможно представить себе, что тот или иной односторонний акт имел бы правовые последствия в отношениях между его автором и другим субъектом международного права, если бы последний выступил с возражениями. Кроме того, государство, которое делает одностороннее заявление, принимает во внимание реакцию тех, кому оно адресовано.

128. Некоторые делегации подчеркнули неопределенность слова «автономия». С одной стороны, для получения определения одностороннего акт должен иметь автономные правовые последствия, что означает правовые последствия, не зависящие от любого проявления воли со стороны другого субъекта международного

права. Автономия обязательств, созданного односторонним актом, является одним из важных критериев при определении чисто одностороннего характера акта. С другой стороны, если автономный односторонний акт является актом, который создает правовые последствия на международном уровне без какой-либо увязки с ранее существовавшей обычной или договорной нормой, то эта тема в значительной мере утрачивает свой интерес. Представляется правильным исключить односторонние акты, основанные на договорном праве, однако односторонние акты, которые могли бы способствовать осуществлению существующих норм, должны подпадать под сферу охвата этой темы.

129. По мнению одной из делегаций, исключение Комиссией в пункте 589 ее доклада односторонних актов, подпадающих под специальные договорные режимы, представляется несколько сомнительным, поскольку такие акты, как правило, связаны с практическими ситуациями, особо нуждающимися в анализе. Вместе с тем, исключение заявлений в признании юрисдикции Международного Суда можно понять, поскольку именно Суд призван решать вопрос о своей собственной компетенции.

130. Согласно иному мнению, представляется невозможным кодифицировать все односторонние акты в рамках одного правового режима ввиду их большого разнообразия. В связи с этим следует проявить благоразумие в своем подходе, исключив односторонние акты государств, связанные с договорным правом, и акты, которые уже регулируются международно-правовыми нормами.

131. Была также выражена поддержка фразы «уведомляется или иным образом ставится в известность соответствующее государство или организация», которая содержится в определении в пункте 589 доклада Комиссии. В этой связи было отмечено, что односторонний акт необязательно должен формулироваться публично, хотя адресат должен знать о нем.

132. Касаясь сферы охвата этой темы, некоторые делегации поддержали курс Комиссии на исключение на данном этапе актов международных организаций из сферы охвата темы. Тем не менее была высказана мысль о том, что они могли бы стать предметом специального рассмотрения в Комиссии на более поздней стадии.

133. Что касается актов, затрагивающих международную ответственность государства, то было выражено мнение в поддержку их исключения из сферы охвата темы, особенно ввиду того, что они уже являются предметом рассмотрения в рамках другой темы в Комиссии. Вместе с тем, согласно другому мнению, необходимо проявлять осторожность. Условия для задействования ответственности государств путем одностороннего акта можно было бы надлежащим образом исключить, поскольку Комиссия работает над ответственностью государств как над отдельной темой. Если, тем не менее, односторонние акты государств, порождающие обязательство для государств, будут исключены из сферы охвата данной темы, то существует риск исключения всех односторонних актов, поскольку почти все они при определенных обстоятельствах, по всей вероятности, будут связаны с обязательствами государств.

134. Согласно одному из мнений, вызывает сожаление тот факт, что планируемое изучение Комиссией данной темы, как представляется, не включает односторонние акты государств в форме одностороннего принятия внутригосударственных законов, имеющих экстерриториальные последствия для других государств, и, в свою очередь, затрагивающих другие формы международных сношений, в том числе коммерческие и финансовые отношения с третьими государствами или их гражданами. По этому мнению, охват определения односторонних актов следует расширить, чтобы включить как акты принятия внутригосударственного законодательства, которое имеет прямое и/или косвенное экстерриториальное применение к другим государствам или гражданам других государств, так и обращение к одностороннему применению силы государством в отношении граждан других государств на территории других государств в целях обеспечения соблюдения внутригосударственного законодательства. При таком подходе приветствовалось бы изучение вопроса ответственности государств в свете предстоящего исследования аспектов предлагаемого расширения охвата и в свете положений пункта 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Изучение этих двух тем вместе с рекомендациями послужило бы полезным руководством для государств в их сношениях друг с другом. Это

также должно означать, что международно-правовая законность в этой сфере не будет игнорироваться или пользоваться недостаточным уважением.

135. Что касается эстоппеля, то было высказано мнение об отсутствии полной убежденности в том, что его следует исключить из сферы изучения Комиссии. В высказанном мнении подчеркивалось, что эстоппель, как правило, является результатом одностороннего акта, при этом государство, совершающее этот акт, утрачивает из-за эстоппеля право на использование определенного факта или ситуации в качестве основания для утверждения своих прав. Согласно этому мнению, эстоппель является не просто процессуальным инструментом, а напрямую связан с рассматриваемой темой.

136. Согласно этому же мнению, Комиссии следует рассмотреть односторонние волеизъявления во всех формах, включая умолчание.

3. Подход к рассмотрению темы

137. В качестве аспектов подхода к рассмотрению данной темы обсуждались два главных вопроса. Первый вопрос был связан с целесообразностью сосредоточения Комиссией своего внимания на «заявлении» как прототипе, инструменте или формальной процедуре, посредством которых государство могло бы породить правовые последствия односторонним образом на международном уровне, или вместо этого на *negotium* или основном содержании односторонних актов.

138. Некоторые делегации, как представляется, выступали в пользу «формального» подхода, в соответствии с которым Комиссии на данном этапе следует сосредоточить внимание на заявлениях как формальных правотворческих актах. Целью кодификации, как утверждалось, должно быть сведение воедино различного рода односторонних актов в рамках системы норм, которые применялись бы к ним ко всем. Кроме того, утверждалось, что нормы, применимые к одностороннему акту, должны быть однородными и применимыми ко всем односторонним актам, независимо от их содержания. Вместе с тем, даже эти делегации признали, что при проведении такой работы содержание акта нельзя в полной мере

игнорировать, поскольку в ином случае вся эта работа могла бы стать излишне ограничительной.

139. Другие делегации ясно указали на то, что Комиссии не следует ограничивать свой анализ одной категорией односторонних актов, такой, как заявления, а ей следует попытаться охватить все категории. Согласно этому мнению, существует четыре вида односторонних актов: обещание, отказ, признание и протест, каждый из которых обладает своими собственными характерными свойствами, которые Комиссии понадобится идентифицировать и проанализировать.

140. Другим обсуждавшимся вопросом, касающимся подхода к данной теме, являлся вопрос, связанный с ролью, которую следует играть Венской конвенции о праве договоров 1969 года в деле разработки положений относительно односторонних актов.

141. Некоторые делегации имели оговорки относительно направлений деятельности, принятых Специальным докладчиком в его докладе, в котором Венская конвенция 1969 года взята за исходную основу для разработки проекта статей *mutatis mutandis*, касающихся односторонних актов. По их мнению, такой подход чреват некоторым риском и недостаточно учитывает тот факт, что односторонние акты по своему характеру и последствиям отличаются от договорных актов, а вследствие этого Конвенция не является подходящей основой для анализа правовых последствий односторонних актов.

142. Другие делегации не разделяли таких взглядов. Они сочли, что ввиду того, что многие аспекты односторонних актов в различной степени связаны с договорным правом, соответствующие статьи Венской конвенции о праве договоров можно было бы использовать в качестве исходного материала при формулировании положений. В этой связи было высказано мнение о том, что между договорными актами и односторонними актами есть много точек соприкосновения. И те, и другие являются правовыми актами и принадлежат к одному и тому же режиму с точки зрения волеизъявления, недействительности, условий наличия и т.д. Вследствие этого многие положения Венской конвенции следует перенести для использования применительно к односторонним актам, однако Комиссии не следует делать это

автоматически. В этой связи было также высказано мнение о том, что, несмотря на большую актуальность вопроса о применимости договорного права к односторонним актам, не следует обходить вниманием различия между этими двумя режимами. Право договоров регулируется принципом *pacta sunt servanda*, который не имеет центрального значения для односторонних актов.

143. Некоторые делегации привели примеры областей, в которых возможно совпадение положений права договоров и права, касающегося односторонних актов, а также примеры других областей, в которых существовало бы расхождение между ними. Таким образом, что касается примеров возможного совпадения, то было выражено мнение о том, что норма, изложенная в проекте пункта 3 статьи 4, предложенном Специальным докладчиком и касающемся представителей государства для цели формулирования односторонних актов, является излишне широкой, поскольку по праву договоров полномочие глав дипломатических миссий ограничивается актами, порождающими правовые последствия исключительно в отношении государства, при котором они аккредитованы.

144. Аналогичным образом проект статьи 7 о недействительности односторонних актов должен более близко соответствовать соответствующему положению в Венской конвенции. Поскольку согласие на обязательность договора и согласие на одностороннее обязательство являются волеизъявлениями государства, представляется логичным, чтобы те же причины недействительности применялись к обоим видам заявлений. Таким образом, нет причины для невключения конкретных ограничений на полномочие выражать согласие государства. Кроме того, следует построить формулировку пункта 7 проекта статьи 7 по типу статьи 146 Венской конвенции 1969 года. Эта норма должна применяться не ко всем явным нарушениям основополагающей нормы внутреннего права, а лишь к явным нарушениям такой нормы внутреннего права, которая имеет основополагающее значение для регулирования компетенции в отношении заключения договоров.

145. Что касается возможных областей, в которых положения договорного права и права, касающегося односторонних актов, могли бы расходиться, то был приведен пример статьи 6, предложенной

Специальным докладчиком и имеющей название «Выражение согласия», которое было взято из Венской конвенции о праве договоров и не очень ясно передает, в чем суть преднамеренности одностороннего акта. Сфера толкования односторонних актов была указана как сфера, в которой нормы права договоров и нормы, применимые к односторонним актам, расходятся по необходимости (см. также раздел 4 ниже).

4. Вопросник, касающийся практики государств

146. Целый ряд делегаций подчеркнул потребность в уделении большого внимания практике государств при рассмотрении данной темы. В этой связи было высказано мнение о том, что, учитывая относительную скудность имеющейся международной практики или доктрины, требуется более значительное накопление информации о практике государств для эффективного рассмотрения Комиссией данной темы.

147. В этом отношении была выражена широкая поддержка идее о рассылке вопросника, который, как об этом просила Комиссия, Секретариат в консультации со Специальным докладчиком направил правительствам. Выражалась также надежда на то, что на вопросы в вопроснике поступят максимальные по своему числу ответы.

148. Некоторые делегации уже затронули конкретные вопросы, содержащиеся в вопроснике.

149. Что касается вопроса о том, кто имеет полномочия действовать от имени государства в целях обязать государство на международном уровне посредством одностороннего акта, было отмечено, что пункт 3 статьи 4, предложенный Специальным докладчиком, пожалуй, не отражает практики государств. Лишь главы государств или правительств, министры иностранных дел или прямо уполномоченные должностные лица могли бы обязывать государство посредством односторонних актов. Эта международно-правовая норма в настоящее время полностью признана и имеет основополагающее значение. Поскольку современный мир характеризуется растущим многообразием связей и сношений между институтами и актов, совершаемых вне страны агентами государства, представляется важным

точно знать, кто мог бы обязывать государство посредством заявления или одностороннего акта. Кроме того, заключение договора, документа, связанного с правами и обязанностями, требует представления полномочий, подписанных министром иностранных дел, если этот договор не заключается одним из трех вышеупомянутых лиц. Нетрудно понять, что должностное лицо, даже самого высокого ранга, не может создать международные обязательства для своего государства путем совершения одностороннего акта. Любое возможное добавление к этой установленной норме обычного права пришлось бы рассматривать с ограничительной точки зрения. Единственно правильным курсом является стремление к улучшению формулировки, представленной Специальным докладчиком, путем учета современных международных реалий.

150. Что касается формальностей, применяемых к односторонним актам, то было отмечено, что ни практика государств, ни прецедентное право или доктрина не требуют конкретных форм. Норма состоит в том, что волеизъявление государства должно быть известно другим государствам или другим соответствующим субъектам международного права. Единственными требованиями являются ясность и свободный характер волеизъявления с учетом положений, используемых в тексте заявлений, их намерения и фактического и правового контекста, в которых они формулируются.

151. В связи с правовыми последствиями, которые стремятся вызывать такие акты, было упомянуто мнение, изложенное в пункте 560 доклада Комиссии, а именно мнение о том, что односторонние акты, сформулированные в нарушение резолюции Совета Безопасности, принятой на основании главы VII Устава, должны быть недействительными, к примеру, акт признания, принятый в нарушение резолюции Совета Безопасности, призывающей государства-члены не признавать какое-то конкретное образование в качестве государства. В этом отношении в ходе прений в Шестом комитете было высказано мнение о том, что акт, нарушающий международное общее право, не будет порождать правовых последствий, если он не признается государствами-адресатами. Таким образом, вопрос касается скорее правовых последствий, а не

недействительности. То же самое справедливо в отношении одностороннего акта в нарушение резолюции Совета Безопасности, принятой на основании главы VII Устава. Поскольку большей частью резолюции имеют временные последствия, к этому вопросу можно было бы также подойти с точки зрения приостановления правовых последствий одностороннего акта.

152. Что касается возможного содержания односторонних актов, то было выражено мнение о том, что такие акты должны предназначаться для порождения правовых последствий, изменения правовой ситуации государства, совершающего этот акт, и косвенно ситуации государства или государств, затрагиваемых этим актом. В целом это последствие состоит в создании и изменении обязательства или отказе от какого-то права по международному праву. Однако, как показывает история и эволюция определенных принципов морского права, существуют также односторонние акты, цель которых состоит в определении или уточнении правовых понятий.

153. Что касается норм толкования, которые должны применяться к односторонним актам, то было отмечено, что Специальному докладчику и Комиссии следует учесть характерные внутренне присущие свойства актов, разработка и предназначение которых отличаются от разработки и предназначения конвенционных актов, зависящих от согласия, а не от выражения государством желания породить правовые последствия. Было отмечено, что Международный Суд по делам о ядерных испытаниях констатировал, что заявление, которым государство ограничивает свою свободу действий, должно истолковываться строгим образом. Это просто является одним из следствий известного решения Постоянной Палаты Международного Правосудия по делу «Лотус». Как и в случае с любым односторонним правовым актом, намерение автора играет основополагающую роль. Именно по этой причине нельзя обходить вниманием определяющий фактор, составляемый обстоятельствами акта, иными словами, контекст, в котором этот акт совершается. Кроме того, по делу «Англо-иранская нефтяная компания» Суд установил, что акт должен истолковываться таким образом, чтобы он порождал последствия, соответствующие существующему праву, а не противоречащие ему.

154. Что касается длительности односторонних актов, то было выражено мнение о том, что такие акты являются моментальными, поскольку они не выходят за рамки непосредственного волеизъявления на взятие какого-то обязательства.

155. Были также выражены мнения относительно того, могут ли односторонние акты быть отзывными. В этой связи было отмечено, что изменение, приостановление или отзыв односторонних актов не должны зависеть лишь от воли государства-автора. Необходимым считалось предоставление согласия со стороны государства-адресата. Важно проводить различие между односторонностью, которой характеризуется выработка акта, и его правовыми последствиями, которые могут наделять правами государства, не участвовавшие в его разработке. После разработки одностороннего акта и изъяснения государством своего желания вступить в какое-то отношение с другим государством, возникшее отношение не является односторонним. Было подчеркнуто, что односторонние акты не могут быть отозваны в одностороннем порядке или ограничительно изменены. После того, как заявление породило правовые последствия и права или наделило полномочиями в отношении другого государства, оно может быть отозвано или ограничено лишь при согласии соответствующих государств.

156. Согласно одному из мнений, несмотря на справедливость того, что после волеизъявления автора одностороннего акта он не может по своему усмотрению пересмотреть или отозвать обещание, отказ или акт, о котором идет речь, автор может, тем не менее, поставить такое волеизъявление в зависимость от истечения определенного срока или выполнения какого-то условия или прямо заявить, что он может однажды отменить его. Напоминалось также о том, что, согласно взглядам некоторых правоведов, обещание или отказ в принципе безотзывны, хотя возможность отзыва не подпадает под контекст акта, о котором идет речь, или его характера. Другие правоведы, напротив, считают, что такие акты являются отзывными, но не в произвольной форме и в условиях добросовестности. Согласно кратко изложенному в настоящем пункте мнению, представляется ясным, что правовая ситуация, создаваемая односторонним актом, не может быть неизменной: она подпадает под действие общих норм, таких, как принцип *gebis*

sic stantibus, исключение *force majeure* и т.д. Можно было бы даже сказать, что некоторые односторонние акты, такие, как протест, в целом являются отзывными.

5. Итоги работы над темой

157. Была выражена поддержка работе Комиссии над данной темой, которая выразилась в подготовке проектов статей Специальным докладчиком, сопровождаемых комментариями.

D. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного ущерба от опасных видов деятельности)

1. Общие замечания

а) Замечания в отношении предотвращения

158. Было высказано мнение о том, что Комиссия за период начала работы над данной темой внесла свой ценный вклад, который включал в себя всеобъемлющее и тщательное рассмотрение вопроса о предотвращении и об обязательстве проявлять должную осмотрительность, и что в проектах статей удалось сбалансировать интересы государств происхождения с интересами государств, которые могут быть затронуты.

159. Было высказано мнение о том, что в проектах статей следует максимально закрепить свободу государств проводить на своей территории или под своей юрисдикцией или контролем деятельность, которая сама по себе не является противоправной. Соответственно, в проектах статей следует конкретно указать условия, в соответствии с которыми такая деятельность разрешена, независимо от того, влечет ли она за собой риск причинения значительного трансграничного ущерба, или независимо от факта наступления такого ущерба. Тем не менее было также отмечено, что превентивные меры следует предусматривать даже в тех ситуациях, когда риск не установлен

научно. Кроме того, было сочтено, что в проектах статей следует потребовать от государств проведения оценки риска его существующей деятельности на постоянной основе.

160. Было также указано, что условия, которые позволили бы государствам действовать с максимальной свободой, должны предусматривать компенсацию за любой ущерб, который мог бы наступить, несмотря на превентивные меры или в их отсутствие, если этот ущерб не был предсказуем.

161. Приводились доводы в пользу того, что обязанность по предотвращению следует рассматривать как обязательство поведения и что невыполнение обязательства по предотвращению влекло бы за собой в связи с этим ответственность государств. Было также указано на то, что для оценки выполнения и определения степени тяжести нарушения требуется более весомое и объективное правовое основание.

162. Было отмечено, что определение таких видов деятельности, к которым применялись бы проекты статей, а также сфера охвата этого документа требуют дальнейшего уточнения.

163. Было также сочтено, что проекты статей относительно предотвращения не следует увязывать с идеей компенсации в порядке наказания, которое в настоящее время обсуждается Комиссией в контексте ответственности государств.

164. Что касается обязательства проявлять должную осмотрительность, то было высказано сожаление по поводу того, что Комиссия не смогла рассмотреть предложения, содержащиеся во втором докладе Специального докладчика (A/CN.4/501). Было отмечено, что должная осмотрительность не может быть одинаковой для всех государств, поскольку стандарты, приемлемые для развитых стран, могли бы быть недостижимыми для других государств. Было также отмечено, что вопросы, касающиеся выполнения обязательства проявлять должную осмотрительность, следует рассматривать отдельно от проекта текста, касающегося предотвращения.

b) Замечания, касающиеся ответственности

165. Что касается ответственности, то были высказаны два разных мнения. Согласно одному из них, которое было поддержано несколькими

делегациями, решение Комиссии приостановить свою работу над этой темой до завершения рассмотрения проектов статей о режиме предотвращения во втором чтении является правильным.

166. В этом контексте была высказана мысль о возможной уместности паузы в работе Комиссии над данной темой, с тем чтобы подождать результатов развития международной практики в области ответственности. В этой связи было сочтено, что международное регулирование в области ответственности должно осуществляться на основе тщательных переговоров по конкретным темам, таким, как загрязнение нефтью или опасные отходы, или по конкретным регионам, не пытаясь разрабатывать глобальный режим.

167. Вместе с тем, согласно другому мнению, поддержанному несколькими другими делегациями, Комиссии следует провести свой анализ ответственности, не ожидая завершения работы над проектами статей во втором чтении. В этой связи было отмечено, что предотвращение и ответственность образуют непрерывную цепочку, начиная с обязанности оценивать риски значительного трансграничного ущерба. Было сочтено непоследовательным ставить вопрос об общем обязательстве по предотвращению трансграничного ущерба, не предусматривая последствий, возникающих в результате любого практического ущерба, каковые являются вопросом, рассматриваемым в национальном законодательстве большинства стран. Было подчеркнуто, что вмененная ответственность требует возмещения нанесенного ущерба, независимо от правомерности или противоправности деяния, носящего причинный характер.

168. Было отмечено, что каждое государство имеет право заниматься правомерными видами деятельности на своей территории, если оно выполняет обязательства по обеспечению того, чтобы осуществление этого права не наносило ущерба другому государству, а если такое обязательство не выполняется, то ему должна вменяться ответственность. В случае ущерба потерпевшее государство должно иметь право на получение компенсации. Характер и объем ответственности за такой ущерб нуждаются в четком определении.

169. Было указано, что практика государств в отношении опасных видов деятельности демонстрирует, что понятие ответственности за трансграничный ущерб все больше укореняется, а поэтому важно разработать нормы как таковой международной ответственности.

170. Кроме того, была выражена обеспокоенность в отношении возможного сворачивания работы над темой ответственности, поскольку это помешало бы всестороннему развитию и обеспечению эффективности норм, касающихся предотвращения. В этой связи было отмечено, что существует имманентная связь между обязанностью государств проявлять должную осмотрительность при осуществлении своих обязательств, касающихся предотвращения, и вопросом ответственности, если такие обязательства не выполняются.

171. Отмечалось, что последствия международной ответственности требуют анализа даже в ситуациях, когда государство происхождения ущерба приняло все предохранительные меры. Поскольку в таких случаях обязательство по возмещению носит особый характер, касающиеся его нормы должны соответствовать определенным специальным принципам и дополнять принципы, связанные с ответственностью за противоправное деяние.

172. Было высказано мнение о том, что методы, посредством которых государство происхождения предоставляет компенсацию, и факторы, которые должны учитываться при определении необходимости и объема такой компенсации, должны отражать практику государств; кроме того, в проектах статей не следует устанавливать применение нормы строгой ответственности в целях компенсации убытков от трансграничного ущерба, а следует предусмотреть справедливое разделение расходов, связанных с деятельностью, а также получаемых благодаря ей благ. Напоминалось, что в принципе 22 Стокгольмской декларации и принципе 13 Рио-де-Жанейрской декларации уже содержится призыв к сотрудничеству в целях дальнейшего развития международного права, касающегося ответственности и компенсации жертвам загрязнения и иного экологического ущерба, причиненного деятельностью, подпадающей под юрисдикцию или контроль государств, районам, находящимся вне их юрисдикции.

173. Было высказано мнение о том, что ответственность государства можно было бы рассматривать в качестве не более чем остаточной в сравнении с ответственностью оператора за деятельность, приводящую к трансграничному ущербу; в этой связи было отмечено, что государства признавали ответственность лишь в рамках конкретных договоров, касавшихся видов деятельности, присущих исключительно государствам, что необязательно обстоит именно так применительно ко всем видам деятельности, предусмотренным в проектах статей.

174. Была также высказана мысль о том, что, возможно, стоило бы разработать нормы, касающиеся предотвращения ущерба пространствам, не подпадающим под какую бы то ни было юрисдикцию, таким, как открытое море.

2. Замечания в отношении конкретных статей

Статья 1. Виды деятельности, к которым применяются настоящие проекты статей

175. Было предложено включить показательный перечень видов деятельности, сопряженных с риском трансграничного ущерба.

176. Было указано, что если государства всего лишь призвать принимать меры по предотвращению или сведению к минимуму риска причинения «значительного» ущерба, то потребовалось бы тщательно разработать понятие значительного ущерба.

177. Было выражено мнение о том, что слово «значительный» следует исключить перед словами «трансграничный ущерб» ввиду того, что не был предусмотрен механизм урегулирования споров.

178. Некоторые делегации выразили сожаление по поводу исключения статьи 1(b), поскольку представляется также важным ограничить и минимизировать пагубные последствия, порождаемые обычным осуществлением опасных видов деятельности и авариями.

Статья 17. Урегулирование споров

179. Что касается урегулирования споров, то была выражена поддержка проекту статьи 17 как разумному решению. Было также отмечено, что в ожидании решения относительно окончательной формы, в которую будет облечен проект статей, можно было бы предусмотреть «мягкие» процедуры, такие, как консультация, переговоры, расследование и примирение.

3. Окончательная форма проекта статей

180. Было указано, что еще слишком рано определять окончательную форму, в которую будет облечен проект статей. В этой связи было сочтено, что сформировать желаемую практику государств и обеспечить соответствующее правовое развитие могла бы рамочная конвенция. Было также заявлено, что в отсутствие конвенции, являющейся общей по сфере охвата, представляется приемлемым ряд руководящих принципов в сочетании с декларацией в качестве руководства для государств при заключении двусторонних или региональных договоров.

Е. Другие решения и выводы Комиссии

1. Общие замечания

181. Главу X доклада Комиссии, озаглавленную «Другие решения и выводы Комиссии», обсуждали лишь несколько делегаций.

182. Было отмечено изменение в методе работы Шестого комитета, которое, в свою очередь, отражается на рассмотрении им ежегодных докладов, представляемых Комиссией. Напоминалось, что в 70-х годах делегации участвовали в обсуждении пунктов повестки дня Шестого комитета на основе рассмотрения каждого отдельного пункта и каждого отдельного вопроса. Эта практика была изменена в последние годы из-за роста числа государств-членов и появления групп государств, занимающих единую позицию. Позитивом является то, что эта

практика благоприятствовала посредничеству, однако в негативном плане это вело к принятию более объемистых, расплывчатых и менее точных в правовом отношении резолюций, которые, как предполагается, основывались на понятии «общего согласия». В прошлом голосование по проектам резолюций представляло собой силовое состязание, и авторы были не склонны к переговорам, однако переговоры основывались на реальных вопросах и им предшествовало реальное обсуждение. В настоящее время, хотя консенсус является нормой, он, к сожалению, также носит чисто формальный характер, и его предметом являются тексты, лишенные правового значения и веса. Было отмечено, что это явление сказывается не только на деятельности Шестого комитета, но и других главных комитетов Генеральной Ассамблеи и даже других органов Организации Объединенных Наций, таких, как Совет Безопасности, чьи решения имеют прямую обязательную правовую силу.

183. Для исправления такой ситуации, как было заявлено, следует, прежде всего, поделить рабочую нагрузку на сессиях Комиссии международного права и в период между ними не только в интересах справедливости, но и обеспечения независимости и подлинного отражения различных существующих точек зрения. Правительствам также было рекомендовано продолжать назначать в Шестой комитет молодых юристов, которые могли бы набраться полезного опыта в области международного права и в то же время способствовать деятельности Комитета благодаря своему динамизму и имеющимся у них правовым знаниям.

184. Было также отмечено, что формат ежегодных докладов Комиссии претерпел изменения по сравнению с 70-ми годами, и недавние доклады во многом стали лучше по форме и содержанию, а также с точки зрения удобства ознакомления с ними. Кроме того, было заявлено, что модернизация методов работы Комиссии, которую во многом можно отнести за счет усилий новых делегаций, присоединившихся с 70-х годов, не делает менее насущной необходимость продолжать вести поиск новых тем для подпитки будущих обсуждений в ее рамках. Правительства призваны играть свою роль в этом процессе.

185. Обращаясь к трудному вопросу о роли Шестого комитета и делегаций-членов в анализе

доклада Комиссии, было заявлено, что диалог является одной из исключительно важных частей этого анализа и состоит в обмене мнениями между двумя сторонами. По причинам, связанным с характером ежегодных прений и качеством реакции правительств на доклады и вопросники Комиссии, этот обмен не был таким плодотворным, каким ему следует быть. Внедрение практики мини-прений — прений по отдельным главам доклада вместо крупномасштабных прений по всему докладу в целом привело к сокращению объема заявлений и внесло некоторое разнообразие в темы, рассматриваемые в ходе сессии. Тем не менее следует задать вопрос относительно того, повысила ли эта реформа качество прений, поскольку рассмотрение той или иной темы длится лишь два или три заседания, обязывая делегации выступать либо с заранее подготовленными заявлениями, либо с заявлениями, написанными наспех в самый последний момент.

186. Далее было отмечено, что представляется важным сохранить в целях обеспечения объективности независимость членов Комиссии от представителей правительств. В этой связи была сделана ссылка на участие членов Комиссии в качестве представителей правительств в работе Шестого комитета в ходе рассмотрения ежегодных докладов Комиссии. Было сочтено, что эта проблема вызвана тем, что ни члены Шестого комитета, ни члены Комиссии не имеют ясного представления о том, каким должны быть ежегодные прения в Шестом комитете по вопросу о докладе Комиссии. Является ли это просто подходящим случаем для делегаций выразить свое уважительное отношение к работе, проделанной Комиссией, или это скорее возможность для изложения ими своих взглядов и озабоченностей в целях направления ее работы в будущем? Является ли это подходящим случаем для Комиссии узнать непосредственную реакцию государств на ее доклад или получить впоследствии развернутые комментарии и замечания? Этот последний подход мог бы, пожалуй, быть заменен серией неофициальных заседаний в течение года. Вопрос состоит в том, какую форму должны принять прения и должна ли эта форма оставаться неизменной год за годом. Согласно одному из мнений, прения не должны проводиться в той же самой форме каждый год. Члены Комиссии могли бы быть приглашены в Генеральную Ассамблею для

участия в заседаниях советников по правовым вопросам для неофициального обмена мнениями; или неофициальные заседания по рассматриваемым Комиссией темам могли бы быть организованы для специальных докладчиков, занимающихся этими вопросам, других членов Комиссии и делегаций. Была выражена надежда на то, что вышеупомянутые предложения будут тщательно рассмотрены, в частности в ходе пятьдесят второй сессии Комиссии.

2. Раздельные сессии

187. Что касается вопроса о раздельных сессиях, то, согласно одному из мнений, предложение разделить сессию Комиссии на две более короткие сессии принесло бы такие положительные результаты, которые превосходили бы все ожидания Комиссии. Вместе с тем, согласно другому мнению, Комиссия выиграла бы от диалога и взаимодействия с Шестым комитетом в Нью-Йорке. В то же время, в соответствии с этой точкой зрения, было бы преждевременным принимать решение о проведении раздельных сессий на постоянной основе ввиду их финансовых последствий и практических неудобств, связанных с постоянными поездками между Нью-Йорком и Женевой. Любые решения по данному вопросу должны основываться на соображениях повышения результативности деятельности.

3. Долговременная программа работы

188. Что касается долговременной программы работы, то было выражено мнение о том, что темы, которые предстоит изучить Комиссии, должны отвечать чаяниям и потребностям государств-членов. В этой связи, согласно этому же мнению, Комиссия могла бы с пользой провести отдельное исследование по вопросу о режиме контрмер, вместо рассмотрения этой темы в своих проектах статей об ответственности государств. Комиссии было бы полезным рассмотреть решения, принятые международными организациями, в частности их правовые последствия, особенно ввиду того, что она не желает рассматривать односторонние акты международных организаций до завершения своей работы над односторонними актами государств. В рамках той же точки зрения были высказаны

оговорки относительно некоторых тем, рассматриваемых рабочей группой по долговременной программе работы, таких, как право на коллективную безопасность, и было высказано опасение относительно риска фрагментации международного права. Опять же, согласно этому мнению, темы ответственности международных организаций и последствий вооруженного конфликта для договоров являются подходящими темами для кодификации. Не был сочтен в качестве полезного для рассмотрения вопрос об экологии, за исключением рассмотрения с целью определения какого-то конкретного аспекта, вызывающего проблемы. Аналогичным образом, согласно тому же мнению, неподходящей была сочтена такая тема, как правовые аспекты коррупции и связанной с нею практики.

Ф. Гражданство в связи с правопреемством государств

[См. A/CN.4/504/Add.1]

Г. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности

[См. A/CN.4/504/Add.1]
